

Государственный мемориальный историко-литературный музей-
заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»

Научно-практическая конференция
**«Осмысление наследия
Ф.И. Тютчева в ХХІ веке»,**
посвященная 215-ой годовщине со дня рождения поэта.
Избранные материалы

с. Овстуг
14 сентября 2018 г.

**Вербловская Ирина Савельевна,
историк-краевед, член Союза писателей Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург).**

Тютчев. Петербург в его биографии и поэзии.

Поэзия Ф.И.Тютчева существует вне пространства какого бы то ни было города, в том числе и С-Петербурга. Не воспел он, в отличие от своих великих современников, непревзойденные архитектурные шедевры русской столицы, не вдохновлялась его муза ни обликом, ни глубинными пластами жизни Северной Пальмиры. Поэт-мыслитель сделал исключение только для Невы, не являющейся творением рук человеческих. Природа же всегда давала ему пищу для раздумья и творчества. Особое место в его «пейзажной лирике» в связи с Петербургом занимает Нева. Говоря о посвященных Неве стихотворениях, надо особенно отметить стихотворение «Смотри, как на речном просторе...». В этом стихотворении детально описано то явление природы, которое свойственно лишь Петербургу – особый поздний ледоход, когда по уже очищенной от льда полноводной реке вновь, действительно догоняя друг друга, плывут одинокие льдины. Это не успевающий растаять лед Ладожского озера проделывает многокилометровый путь по всему течению Невы в Финский залив. «...во всеобъемлющее море за льдиной льдина вслед плывет...» И так как каждая льдина сама по себе плывет, нагруженная своей «биографией», то напрашивается то заключение, которое характеризует философскую лирику поэта. С одной стороны, «природа знать не знает о былом. Ей чужды наши призрачные годы...», с другой стороны, явления природы и человеческая жизнь идут одинаковой дорогой: «О, нашей жизни обольщенье, ты – человеческое Я. Не такова ль твоя судьба, не такова ль твое значение?..» Это стихотворение – замечательный образец философской лирики поэта, на которую его вдохновила наша природа... К Неве поэт обращается в минуты сильных душевных потрясений. Тому подтверждением стихи: “И опять звезда ныряет в легкой зыби невских волн”, “Опять стою я над Невой”. Три строфы посвящены Петербургу в стихотворении полностью проникнутом тоской по Югу, где “на солнце пламенеет роскошный Генуи залив”. Такова органичная противоречивость, как поэзии, так и личности Тютчева....

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

.....
О, Север, Север-чародей,

Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

Однако, он многими узами действительно был прикован к Петербургу. И, если помнить, что в Москве он прожил (считая детские годы в Овстуге) 18 лет, в Европе, в общей сложности 22 года, то без нескольких месяцев 30 лет прожил он в Петербурге. Его присутствие в придворных кругах, в петербургских салонах было очень ощутимо, что подтверждают многочисленные свидетельства очевидцев. Сам же он писал родителям:

«...Петербург, в смысле общества, представляет, может статься, одно из наиболее приятных местожительств в Европе, а когда я говорю Петербург, это – Россия, это – русский характер, это – русская общительность... Достигнув сорокалетнего возраста и никогда в сущности не живши среди русских, я очень рад, что нахожусь в русском обществе, и весьма приятно поражен высказываемой мне благожелательностью.» (письмо от 13 ноября 1844 И.Н и Е.Л.Тютчевым –Ф.И.Тютчев. Стихотворения, Письма. М.1957. Стр.385).

Ф.И.Тютчев родился в Овстуге Брянского уезда, родовом поместье отца. Свои детские и юношеские годы он провел в Москве и Овстуге. В 18-тилетнем возрасте он окончил Московский Университет и через несколько месяцев уехал в Петербург. С этим городом у него не только были связаны планы на будущее, но в семейном архиве Тютчевых, ныне хранящемся в древлехранилище Пушкинского Дома, имеются документы, подтверждающие тот факт, что крепостные его предка принимали участие в грандиозном строительстве, предпринятом Петром Великим на Неве. Они датируются 1704 годом (газета "Вечерний Ленинград" за 7. 04.1976.№81)

Впервые Ф.И.Тютчев появился в Петербурге в феврале 1822 года. Февраль был практически последним месяцем, когда санный путь из Москвы был беспрепятственен. Перед его взором предстала грандиозная стройка – в строительных лесах было Адмиралтейство (достроено 1823), не было еще в таком виде, как мы знаем, Исаакиевского Собора (1858), не построены были Росси Сенат и Синод (1827-1835), так же в лесах стояло здание Главного Штаба (достроено в 1829г) не стояла ещё Александровская колонна (1834)...

Его сопровождал отец, Иван Николаевич, и крепостной дядька Николай Холопов. Юный Тютчев мечтал о дипломатическом поприще. В поступлении на государственную службу ему помог его родственник - граф Алексей Иванович Остерман-Толстой, в доме которого на Английской набережной 10, он остановился. Этот старинный особняк сохранился с первоначальной поры, которая приходится на 40-е годы XVIII века. Долгое время он принадлежал семейству Нарышкиных, а в литературу вошел как адрес первого бала Наташи Ростовской в романе Л.Толстого "Война и мир", когда под Новый 1810 год ее впервые вывели в свет. В одном из многочисленных черновиков романа "Война и мир" упоминается

“нарышкинский бал”. В тексте же дается развернутое описание подъезда и нарядной лестницы. Они сохранились до наших дней. Упоминает его Пушкин в “Евгении Онегине”: “Усеян площадками кругом, / Блестит великолепный дом / По цельным окнам тени бродят, / Мелькают профили голов / и дам и модных чудаков...” По Английской набережной это был единственный особняк, не знавший оконных переплетов. В оконных рамах вставлены цельные богемские стекла, каждое из которых стоило 700 рублей. (Т.Соловьева. “У причалов Английской набережной”. СПб.1998 стр.243). В 1812 году у вдовы Нарышкина купил этот дом генерал от инфантерии Алексей Иванович Остерман - Толстой. Тютчеву он приходился двоюродным дядей по материнской линии. Екатерина Львовна Тютчева, урожденная Толстая, осиротев в раннем детстве, росла в доме своего родственника, будущего генерала, и с того времени была коротко дружна с кузеном. А человеком он был незаурядным. - бесстрашный генерал, храбро сражавшийся на Бородинском поле, а затем тяжело раненый в битве под Кульмом (ныне Чехия), где лишился руки. Хорошо образованный, интересовавшийся театром, имевший среди своих друзей деятелей культуры и искусства, - так в его доме бывал автор первых русских исторических романов Лажечников, известный журналист литератор Воейков, - а в Большом театре у него была абонирована ложа. В дальнем родстве с Остерманами состояли семейства Завалишиных и Голицыных. Братья из обоих семейств, будущие декабристы, регулярно бывали в его доме. Тютчев свел с ними знакомство.

Д.Завалишин оставил описание внутреннего убранства столь знакомого ему дома: “Дом графа в Петербурге на Английской набережной был отделан едва ли не великолепней всех зданий столицы. Отделка одной белой залы стоила 46 тысяч рублей. Надо сказать, что Остерман-Толстой в Александре 1 читил не только государя, но и полководца. Зала, где находился бюст Александра 1, походила скорее на храм, чем на комнату. Зала была двухсветная. В глухих боковых стенах с одной стороны стояла статуя Александра 1 высотой 3,3 м работы Кановы, перед ней ставились курильницы. В четырех углах на высоких постаментах стояли бюсты Петра 1 (как полководца), П.А.Румянцева, А.В.Суворова, М.И.Кутузова. стены искусственного белого мрамора с золотой арматурой, пол ясеневый с огромным лавровым венком. Зала освещалась большими люстрами. Имелись хоры для музыки и певчих и огромный камин. Хоры были закрыты транспарантными картинами, изображавшими два решительных момента войны России с Наполеоном: Лейпцигское сражение и вход союзников в Париж. На огромной мраморной плите у камина стояла фарфоровая ваза, подаренная Остерману Александром 1, и золотой кубок, осыпанный дорогими камнями, поднесенный победителю за Кульмское сражение богемскими и венгерскими магнатами, имена которых были благодаря этой победе спасены от разграбления. Мраморную плиту поддерживали две статуи с портретными лицами. Они изображали тех двух гренадеров Павловского полка, которые подобрали и унесли из боя Остерман-Толстого, когда его ранило в руку... В красной гостиной стояла мраморная статуя

работы Торвальдсена, изображающую супругу графа, в другой – надгробная скульптура самого Остермана. Граф изображен был лежащим, опирающимся на барабан, как это происходило во время операции. Рядом – оторванная рука, а в барабан вправлены часы, показывающие время ранения. На них надпись по латыни: «Видит час, но не знает час того часа, в который человека настигнет известная участь.» (цит. по Т.А.Соловьевой “У причалов Английской набережной” СПб.1998.Стр.242-244) . В этом доме Тютчев прожил немногим более трех месяцев. Вскоре по приезду он был зачислен в Государственную Коллегию Иностранных дел и стал регулярно ее посещать. Она размещалась в старинном особняке построенном Дж.Кваренги на Английской наб.д.32. Через 2 месяца, 13 мая того же 1822 года, он был причислен сверх штата к русской миссии в Мюнхене, куда сразу и отбыл в сопровождении Остерман-Толстого, имевшего дипломатическое поручение. За недолгое время, проведенное в столице, он несколько раз посетил петербургское общество Любителей Российской Словесности, где читал свой перевод из Ламартина, получивший стихотворения “Одиночество”. В марте 1822 года в литературном приложении “Новости литературы” к газете военного ведомства Воейков опубликовал это стихотворение. Тютчев успел до отъезда увидеть его в печати. (В.Э.Вацура. ”Записки комментатора”. СПб,1994.Стр.232.). Это была первая публикация в Петербурге. Впоследствии большинство стихов, подборок, книг издавались преимущественно в Петербурге. Через 7 лет после отъезда Тютчев писал отцу: ”Странная вещь судьба человеческая. Это ж надо было моей заручиться уцелевшей остермановой рукою, чтоб забросить меня так далеко от Вас!” Можно было бы прибавить еще – и так надолго!.. В течение последующих двадцати двух лет Тютчев бывал в России и, соответственно, в Петербурге лишь недолгими наездами.

Такое недолгое пребывание приходится на конец 1825 – начало 1826 года. Точнее с 4/16 декабря до 22 февраля 1826 года. Он был в Петербурге во время восстания декабристов. Это вызвало к жизни стихотворение “14 декабря 1825”, написанное во второй половине июля 1826 года, т.е. когда Тютчев за границей узнал о свершившейся казни:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил,-
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена,-
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О, жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный холод растопить!

Едва, дымясь, он сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула,-
И не осталось и следов.

Неоднозначность этого стихотворения, его противоречивость, - одновременно осуждение и сочувствие, характерны не только для политических воззрений поэта, не только для всего его творчества, но и для всей его незаурядной натуры, раздираемой противоречиями. Вышедшие на Сенатскую площадь - “жертвы мысли безрассудной”, “вероломство” - выступление против самодержавия, и одновременно эту самую государственность, которую они лишь стремились подправить, он называет “железной зимой”. Образ же “капли крови на вековой громаде льдов” взят из той реальной картины, которую он мог видеть на Неве на следующий день после событий. Нет сомнений, что он остановился опять на набережной у Остерман-Толстого. Во время следствия по делу декабристов А.И. Остерман хлопотал о смягчении участи братьев Голицыных. Но обоим помочь он не смог. В знак протеста он уехал за границу и обратно уже не вернулся. Только в 1837 году дом перешел к новым хозяевам. В 1830 году Тютчев принимал участие в хлопотах сосланного в Сибирь декабриста В. Ивашева о заключении им брака с Камиллой ле-Дантю. Эти хлопоты, как известно, завершились успешно. С июня по октябрь 1830 года у Тютчева был очередной 4-х месячный отпуск, который он провел в Петербурге, поселившись в гостинице Демута на Б.Конюшенной 27. Эта же гостиница выходит на набережную реки Мойки под № 40.

Известно, что в этот приезд он нанес визит жившему на Михайловской пл./участок д.2/ слепому поэту И.Козлову. (В.Ф.Шубин.” Поэты пушкинской поры”.Л.1985.Стр.320) Это посещение отразилось в дневниковых записях И.Козлова: “Пришел интересный и любезнейший Тютчев”, датировано 12-м августа. В доме у Козлова бывали В.Жуковский, П.Вяземский, П.Плетнев, А.Смирнова и многие другие поэты, писатели, деятели культуры. С некоторыми из них Тютчева связывали давние добрые отношения, в частности, с Жуковским, с другими знакомства завязались уже здесь в Петербурге.

Впоследствии теплые дружеские отношения сложились между дочерьми Тютчева и дочерью Козлова Алиной. В приезд 1830 года состоялось знакомство Тютчева как государственного чиновника с канцлером К. Нессельроде.

Следующий приезд в Петербург в 1837 году был связан с получением Тютчевым новой должности первого секретаря русской миссии в Турине. На этот раз он приехал со всей семьей в мае 1837 года и пробыл до августа. Петербург уже пережил смерть Пушкина. Эти два современника никогда не встретились. Тютчев, как известно, появился в Коллегии Иностранных дел через короткое время после того, как на юг был отправлен Пушкин, и разговоры о нем еще велись в коридорах покинутого им учреждения. Не

совпал он с Пушкиным в Петербурге ни в 1825, когда Пушкин был в Михайловском, ни в 1830, когда Пушкин был в Москве... А в 1837 году он застал суд над Дантесом. Известна острота Тютчева, который незапланированно долго находился в Петербурге в связи со своим новым назначением. Узнав о том, что Дантес осужден на немедленную высылку из Петербурга за пределы России, Тютчев сказал: "Пойду убью Жуковского!" На гибель Пушкина Тютчев откликнулся стихотворением "29 января 1837 года". Последние строки "... Тебя ж, как первую любовь, / России сердце не забудет" стали хрестоматийными. К моменту гибели поэта еще не успел разойтись с недавних пор издаваемый им журнал "Современник", в двух последних номерах которого Пушкин опубликовал под заголовком "Стихи, присланные из Германии" 28 стихотворений с мало говорящей подписью Ф.Т. Так читатели из рук Пушкина получили возможность познакомиться со стихами Тютчева. (Литературное Наследство т. 97 кн.2. Стр.506). Впервые тетрадь с почти полусотней стихотворений читали в доме у Вяземского на Моховой ул. в д.32, куда ее принес князь И. Гагарин, получив от автора из Мюнхена. Позже о том, как отнесся к стихам Тютчева Пушкин, писал П.Плетнев: "Еще живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стилей, яркости красок, новости и силы языка. Во всем была ощутительна свежая кисть художника." (Учен.записки Второго отд. Имп. Акад. Наук" 1859.кн.5.LVII-LIX).

Почти семь лет Тютчев не приезжал на родину. За это время он овдовел. В августе 1838 года скончалась Элеонора Тютчева (урожд. Ботмер, в первом замужестве Петерсон), мать троих дочерей поэта. Умоляя в эти скорбные дни Жуковского приехать к нему, он писал: « Есть страшные години в судьбе человеческой. Пережить все, чем мы жили в течении 12 лет, и все-таки жить...» .В июле 1839 он женился вторично. Вторая жена поэта – Эрнестина Пфедель (в первом браке баронесса Дернаберг).В октябре того же года Тютчев был уволен с должности первого секретаря русской миссии в Турине, а в июне 1841 года исключен из числа сотрудников МИДа и лишен звания камергера. Должность в МИДе и камергерство он получил вновь уже по возвращении в Петербург. 20 сентября 1844 года он вернулся навсегда в Россию, в Петербург. Через короткое время по его настоянию переехали в Петербург дочери от первого брака, остававшиеся в Баварии на попечении теток, и благодаря протекции А.О.Смирновой-Россет, имевшей связи при дворе, и непосредственно великой княгини Марии Николаевны определил Дарью и Екатерину в Смольный Институт благородных девиц. Старшая дочь Анна приехала в Россию по окончании Мюнхенского Королевского Института. За первые полтора года Тютчевы жили в гостинице Кулона, она занимала часть площади, на которой сейчас расположена гостиница "Европа", но эта гостиница была им не по карману, и они переехали в меблированную квартиру поскромнее на Английской наб.д.6, в доме Маркевича. Зимой 1845/46 года семья жила в гостинице Демута, где Тютчев поселился вторично. Более года – с марта 1846 по октябрь 1847 Тютчевы

жили в доме Сафонова на Марсовом Поле д.3. Ныне этот дом отмечен доской, посвященной Евгению Оболенскому. Ранее доска была на этом же доме со стороны Аптекарского переулка. Дом выходит на площадь и в переулок. Дочь Тютчева, Анна, вспоминает красную гостиную, окна которой выходили на Марсово Поле. В этом доме родился младший сын Федора Ивановича и Эрнестины Федоровны Иван Тютчев, (1846-1909) будущий основатель Музея в Мураново. Впоследствии, его сын, внук поэта, составил список петербургских адресов, который К.В. Пигарев, правнук Тютчева, многолетний директор Мурановского музея, в распоряжение автору этой публикации.

Уже в марте 1845 Тютчев был восстановлен в Министерстве Иностранных дел и вскоре назначен чиновником особых поручений при государственном канцлере. Эту должность тогда занимал К. Нессельроде, о котором Тютчев впоследствии с удовольствием процитировал мнение одного своего собеседника: "Это самое жалкое существо, которое я когда-либо видел" (Ф.И. Тютчев. Стихи и письма. М.1957. Стр.422)/9/.

Всю свою жизнь поэт, чье имя встало в первый ряд имен, прославивших отечественную поэзию, считал себя государственным деятелем, относя поэзию к интимным отправлениям своей души, не заботясь о судьбе своих стихов, не приложив ни малейших усилий для их публикации. И стихов (оригинальных) за всю жизнь написано менее четырехсот. Но справедливо о томике стихов Тютчева писал А.Фет:

Муза, правду наблюдая,
Следит. И на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

По складу своего ума Тютчев был мыслителем. К. Пфеффель, брат Эрнестины, писал о Тютчеве, как о человеке, рожденном для размышлений, для кабинетного труда, чья жизнь "по странному капризу судьбы в течении почти пятидесяти лет протекала в гостиных...Родившись и живя в России, имея перед собой в качестве аудитории общество, отличающееся скорее любопытством, нежели образованностью, он бросал на ветер светской беседы сокровища остроумия и мудрости, которые забывались, не успевая распространиться." (Лит.Насл.97.кн.2. Стр.37) . Можно уточнить, что не 50, а 30 лет прожил он в русском (петербургском) обществе. Но справедливо замечено, что в петербургских салонах находил он не столько собеседников, сколь слушателей, в которых настоятельно и постоянно нуждался. Он был постоянным посетителем раутов у графа В.Соллогуба на Дворцовой набережной 20, у Виельгорских на Михайловской пл., у великой княгини Елены Павловны в Михайловском дворце, а летом на Каменном острове, у Мещерских, Карамзиных, и вообще, везде, где собиралось высшее общество столицы. О Тютчеве «льве салонов», как назвал его П.А.Вяземский, остались многочисленные воспоминания. Уж очень был он незауряден в обществе, к которому принадлежал. Вспоминает писатель В. Соллогуб: «...Он был одним из усерднейших посетителей моих вечеров; он сидел в гостиной на диване,

окруженный очаровательными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины небрежно скатывались с его уст. Он был едва ли не самым светским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему были нужны как воздух каждый вечер, яркий свет люстр и ламп, веселое шуршанье дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин. Между тем его наружность очень не соответствовала его вкусам; он был дурен собою, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкало, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева; я думаю, что главной прелестью Тютчева в этом случае было то, что в них не было ничего приготовленного, выученного, придуманного. Соперник его по салонным успехам, князь Вяземский, хотя обладал редкой привлекательностью, но никогда не славился этой простотой обаятельности, которой отличался ум Тютчева» («Современники о Тютчева». Тула, 1984. Стр.33). Ему вторит давнишний друг поэта историк М. Погодин: «...Старичок пробирается нетвердой поступью близ стены, держа шляпу, которая сейчас, кажется, упадет из его рук. Из угла прищуренными глазами окидывает все собрание... Он ни на чем и ни на ком не остановился, как будто бы не нашел, на что нужно обратить внимание... к нему подходит кто-то и заводит разговор... Он отвечает отрывисто сквозь зубы... Смотрит рассеянно по сторонам... Кажется, ему уже стало скучно... Не думает ли он уйти назад... Подошедший сообщает новость, только что полученную, слово за слово, его что-то задело за живое, он оживляется, и потекла потоком речь, увлекательная, блистательная, настоящая импровизация... ее надо бы записать... Вот он роняет, сам не примечая того, несколько выражений, запечатленных особою силой ума, несколько острот едких, но благоприличных, которые тут же подслушиваются соседями, передаются шепотом по всем гостиным, а завтра охотника спешат поднести их знакомым, как дорогой гостинец: Тютчев вот что сказал вчера на балу у княгини N» (там же. Стр.11-12). Почти через 50 лет после кончины поэта Г.Чулков предпринял попытку собрать тютчевские остроты. Сборник «Тютчевиана» вышел в Москве в 1922г. «Заниматься в России политической деятельностью то же самое, что высекать огонь из куска мыла», «Вся наша внешняя политика – плохой перевод с французского» и т.п. афоризмы и остроты на русском и французском языках. Несмотря на то, что он щедро выплескивал блески своего остроумия, он не обольщался в оценке своего окружения. Особенно, когда это касалось вопросов внешней и внутренней политики, т.е. того, что всегда его волновало. Перед самым началом Крымской войны, в октябре 1853 года, он пишет жене: «...Ах, в какой странной среде я живу! Бьюсь об заклад, что в день Страшного суда в Петербурге найдутся люди, которые станут притворяться, что они об этом и не подозревают... Здесь, - в салонах, разумеется, - беспечность, равнодушие и косность умов феноменальны.

Можно сказать, что эти люди так же способны судить о событиях, готовящихся потрясти мир, как мухи на борту трехпалубного корабля могут судить об его качке...» (Ф.И.Тютчев.Стихотворения.Письма.М.1957. Стр.396.). Но более всего удручало Тютчева не легкомыслие и бездумность в свете, а бездарность и безответственность тех, от кого зависело политическое и военное положение страны. Это постоянная тема его бесед с дочерью Анной, которая была любимой фрейлиной императрицы – впоследствии автор книги «При дворе двух императоров» и в письмах жене. События на рубеже 50-х годов – кризис из-за проливов, «восточный вопрос», спровоцировавший военный конфликт, - Крымскую войну, в которой Россия потерпела поражение, очень эмоционально переживалось Тютчевым. Известно, что родные пытались как можно дольше не сообщать ему о падении Севастополя, опасаясь, что его сердце не выдержит этого удара. Уже после смерти Николая I, в сентябре 1855 года, в одном из писем жене: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь, желая войти в дом, сначала заделал бы двери и окна, а затем стал пробивать стену *головой*, он поступил бы не более безрассудно, чем это сделал два года тому назад незабвенный покойник.» (Там же. Стр.425). В стихотворении в связи со смертью Николая I он написал еще резче:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, -
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

В первые же месяцы по приходе к власти нового самодержца Тютчев назвал политическую погоду в стране *оттепелью* (ЛН.т.97кн.1.С.135,166). Поколение современных читателей связывает это понятие в политической жизни страны с другим ее этапом и с именем И.Эренбурга. Но нет сомнений, зная образованность последнего, что тот воспользовался некоторой исторической аналогией. Возникают мысли о далеко послетютчевском времени, когда читаешь, что он пишет из Петербурга дочери, жене, друзьям. Позволю себе привести несколько выдержек из писем человека, который был убежденным монархистом, ненавидевшим и революцию и не допускавшим ее возможность в России. В стихотворении «Море и Утес» 1848 года он противопоставляет бурному морю, сотрясаемой революциями Европе, незыблемый Утес – Россию.

“...Тишина, господствующая в стране, ничуть меня не успокаивает; но не потому, чтобы я считал ее неискренней, а потому, что она основана на очевидном недоразумении, на безграничном доверии народа к власти, на его вере в ее к нему доброжелательность и благонамеренность. Когда же приходится видеть то, что делается, или, вернее, не делается здесь (а в

«коридоры власти», как известно, Тютчев был допущен! – И.В.) – всю эту слабость и непоследовательность, эту вопиющую недостаточность мер ввиду абсолютно реальных затруднений, - невозможно при такой явной нерадивости правительства, столь противоречащей данному положению, невозможно, говорю я, не поддаться самым серьезным опасениям. Ибо не только никто не знает здесь, что происходит в комитетах и до чего доведена начатая работа, но никто, как будто, и не интересуется этим... однако очевидно, что ни к одной реформе еще не преступлено всерьез и все вопросы поставлены, как *status quo*.” (письмо жене от 5 июня 1858г.Ф.И.Тютчев. «Стихотворения и письма».М.1957.С.435-436). Примерно в это же время он пишет А.Н. Блудовой: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых.» Это написано почти за 10 лет до покушения Каракозова, до каких либо революционных организаций и всего того исторического опыта, который знают граждане России следующих поколений.... Далее, в том же письме Тютчев развивает свою мысль, возлагая ответственность на власть: «...С моей точки зрения, все будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: Стоит ли власть, призванная ее осуществить, власть, которая вследствие этой реформы сделается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношения коих ей надлежит упорядочить, - стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении? ...Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного *scredo*, одним словом, во всей сокровенности ее совести. Отвечает ли власть в России все этим требованиям? Какую веру она исповедует и какому правилу следует? Только намеренно закрывая глаза на очевидность, можно не замечать того, что власть в России - такая, какою ее образовало ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым...»(Там же стр.433-434). Сложный вопрос власти и нравственности разрешается Тютчевым в увязке политической практики с религиозной доктриной.

«Историческое прошлое» Тютчев не очень-то идеализировал. Одно из его расхожих *mot*, известных в Петербурге: «Российская история до Петра I – сплошная панихида, а с Петра начиная – одно уголовное преступление». Но это в значительной мере «для красного словца». На самом же деле, он создал для себя миф о роли и судьбе России, о ее месте среди всего европейского славянства, среди всего православного мира, определив католическую Польшу как Иуду, одновременно мечтая об объединении всего славянства под эгидой Русской монархии (чем не на шутку встревожил Николая I), (ЛН. т.97, кн.2 стр.261). В последние десятилетия жизни, все так же пристально

наблюдая за всей внешней и внутренней политикой Российского государства, за всеми событиями, разворачивавшимися перед его внимательным взглядом и аналитическим умом, он с его «пророческим даром», как считали его современники, отказывается от каких-либо логических выводов и в 1866 году пишет свое знаменитое четверостишие:

Умом Россию не понять
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать
В Россию можно только верить...

Весной 1855 года, по возвращении из Москвы, где Тютчев присутствовал на церемонии коронации нового императора, что входило в его обязанности камергера, как государственный служащий он должен был принести присягу новому самодержцу: «...Меня потребовали завтра в час дня для принесения пресловутой присяги, которую я все откладывал до сих пор под разными предлогами. Ах, я готов приносить им всевозможные присяги, но если б я мог одолжить им немного ума. Это было бы гораздо для них полезнее... По-видимому, то же недомыслие, которое наложило свою печать на наш политический образ действий, оказалось и в нашем военном управлении, да и не могло быть иначе. Подавление мысли было в течении многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения - ничто не было пощажено. Все подверглось этому давлению, все и все отупели...» (Ф.И.Тютчев Стихотворения и письма. Стр.418). Это пишет человек, который с февраля 1846 года был старшим цензором при МИДе, а с 17 апреля 1858 года до конца своих дней, т.е. более 15 лет возглавлял Комитет цензуры иностранной, будучи его председателем. Этот цензурный комитет в 1866 году перешел под ведомство Министерств просвещения, но Тютчев продолжал им руководить. Доводилось ему вступать и в открытый конфликт с цензурным ведомством:

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами господа
Тошнит ее. Но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

Впрочем, в бытность еще старшим цензором в июле 1854 года он пишет жене: «Намедни у меня были кое-какие неприятности в министерстве – все из-за этой злосчастной цензуры. Конечно. Ничего особенно важного, - и, однако же, если бы я не был так нищ, с каким наслаждением я тут же швырнул бы им в лицо содержание, которое они мне выплачивают, и открыто порвал бы с этим скопищем кретинов, которые наперекор всему и на развалинах мира, рухнувшего под тяжестью их глупости, осуждены жить и умереть в полнейшей безнаказанности своего кретинизма. Что за отродье, великий боже...» (Там же.Стр.408).

Из всех многочисленных политических деятелей, с которыми он многие годы общался в Петербурге, исключение, т.е. самую высокую оценку

его таланту и деятельности, он делал для князя Горчакова, сменившего в 1856 году Нессельроде. Когда, благодаря его дипломатическим усилиям Россия получила вновь возможность пользоваться проливами, он написал стихи:

Да, Вы сдержали Ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля.
В свои права вступает снова
Родная русская земля

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом...

Беседы с ним носили не только увлекательный, но подчас конструктивный характер, вдохновляя Тютчева на те статьи, которые больше известны были на Западе, поскольку предназначены были для европейской прессы и, соответственно, западного читателя.

В Комитете цензуры иностранной с Тютчевым сотрудничали А.Майков, И.Гончаров, А.Никитенко. О своей позиции как цензора он писал:

Веленью высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

Самая короткая эпиграмма Тютчева гласит:

Давно знакомая всем дура,
Неугомонная цензура,
Кой-как питает нашу плоть.
Благослови ее Господь!

В 1854 году, сменив ряд квартир, прожив некоторое время в доме Лопатина – Невский, 68, в доме №39 по Моховой улице (построен новый), На

Стремянной улице дом №23 (позже на этом месте была церковь, снесенная в 30-е годы XX века, а ныне баня), Тютчев почти на 20 лет поселился в доме Армянской церкви на Невском дом 42. Дом построен одновременно с церковью по проекту архитектора Фельтена в 70-х годах XVIII века, а позднее достроен последним этажом. Именно на этом этаже, немного высоко, счетом в 78 ступеней, в 14 прекрасных комнатах с окнами на Невский проспект и паркетными полами поселилось семейство Тютчевых. Во второй половине 80-х годов XX века была установлена мемориальная доска, к сожалению, на ней не указаны даты: 1854-1872. Из письма Тютчева жене 23 июля 1854 года: «...сам хозяин, старик Лазарев, давнишний друг нашей семьи пришел мне ее предложить. Она сдается – с дровами, водой и освещением лестницы – за 1400 рублей в год, да 100 рублей лишних за конюшню и сарай.» (Там же. С.406,409).

В этом доме он иногда даже устраивал приемы. «Намедни мы с Димой (сыном – И.В.) устроили вечер. Это был политико-литературный вечер. Давно уж я обещал его устроить господам из Управления по делам печати и комитетов. Чай, мороженое и пунш служили угощением на этом празднестве, которое из моей спальни перенеслось в большую гостиную. Разошлись в час ночи... Издержки составили 7 рублей.» (Там же. Стр.461-462).

В один из первых дней 1856 года Тютчев нанес визит недавно приехавшему молодому поручику Л.Толстому, чтобы поблагодарить его за «Севастопольские рассказы». Это было в квартире И.С.Тургенева на набережной Фонтанки в доме 40. Позже Толстой писал, что видался с Тютчевым за всю жизнь не более 10 раз, но любит его и понимает, что, будучи неизмеримо выше среды, в которой живет, обречен на одиночество. Вот верный ключ к пониманию стихотворения «Silentium», «Душа хотела б стать звездой» и др. Это же объясняет его гиперобщительность, как он писал в одном из писем: « 18 часов в сутки у меня уходят на то, чтоб уйти от себя самого». Но единственная сфера, в которой он растворялся без остатка, была сфера его сердечной жизни. Как ни была она полна в течение всей его жизни, на петербургский период приходится самое глубокое и трагическое чувство – любовь к Елене Александровне Денисьевой, стихи обращенные к которой, а после ее ранней смерти в 1864 году, к ее памяти, составили знаменитый «Денисьевский цикл» и по праву считаются одной из вершин мировой любовной лирики. Среди 29 стихотворений этого цикла: «Последняя любовь», «Не раз ты слышала признание...», «О, как убийственно мы любим...», «Она лежала в забытии...» Смерть Денисьевой была тяжелейшим потрясением для Тютчева, от которого он не оправился до конца своих дней.

О, этот юг! О, эта Ницца!..

О, как их блеск меня тевожит!

Жизнь, как подстрелянная птица,

Подняться хочет – и не может...

Нет ни полета, ни размаху -

Висят поломанные крылья,

И вся она, прижавшись к праху,

Дрожит от боли и бессилья...

Оттуда, из Ниццы, куда он уехал после похорон Елены Александровны, не находя себе дома места, он пишет Я.П.Полонскому: «Друг мой, теперь все испробовано – ничто не помогло, ничто не утешило, - не живется – не живется – не живется... Одна только потребность еще чувствуется. Поскорее торопиться к вам, туда, где что-нибудь от не осталось, дети ее, друзья, весь ее бедный домашний быт, где было столько любви и горя, но все это так живо, так полно ею...» (Там же.С.448). Среди многочисленных адресов, которые вынуждена была менять по соображениям материального порядка Елена Александровна, достоверно известен дом 16 по Кирочной улице.

Вернувшись в Петербург Тютчев проследил за тем, чтоб на могильном кресте на Волковом кладбище были высечены выбранные им из Евангелия тексты. Этот крест не сохранился, как не сохранились могилы их старшей дочери Лели и младшего сына Николая, умерших на следующий год после матери. Уцелел крест над могилой сына Елены Александровны и Федора Ивановича, Федора Федоровича, умершего уже во время I-ой мировой войны от ран. Обелиск вместо креста над его основанием на могиле Денисьевой установлен в 70-е годы XX века. На сохранившейся части можно прочесть даты жизни Елены Александровны, а ее имя и фамилия располагались выше, и не восстановлены. Позже, в эту же могилу похоронили ее тетушку, Анну Дмитриевну Денисьеву, что и можно прочесть ныне.

Этот по существу незаконный брак длился четырнадцать лет, и все это время обе любящие женщины состоялись в благородстве. После смерти поэта, разбирая свой архив, Эрнестина Федоровна нашла стихотворение, 20 лет пролежавшее в ее гербарии:

Не знаю , коснется ль благодать
Моей души, болезненно греховной.
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный.
Но если бы душа могла
Здесь на земле найти успокоенье,
Мне б благодатью ты была –
Ты, ты,- мое земное провиденье.

Со смертью Денисьевой началась полоса невосполнимых утрат. Тютчеву выпала горькая участь пережить четверых своих детей. После смерти двоих детей от Денисьевой, он похоронил в 1870 году сына Дмитрия и в 1872 году дочь Марию. После их смерти у Эрнестины Федоровны остался только сын Иван, переживший родителей. После смерти дочери Марии Тютчев настоятельно нуждался в перемене обстановки. В 1872 году он с женой переехали на Надеждинскую в дом Трутта - ныне, улица Маяковского дом 48. Но там он прожил меньше года. В мае 1873 года, после перенесенного удара (инсульта) его перевезли в Царское Село, где болезнь, начавшаяся 1 января, прогрессировала. Сознание его задето не было, и за время этой

последней болезни им было написано около десяти стихотворений. Среди них посвященное жене:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

15/27 июля, не дожив четырех месяцев до семидесятилетия, Тютчев скончался. Гроб с телом поэта по железной дороге привезли на Царскосельский вокзал, и оттуда траурная процессия двинулась на Новодевичье кладбище. Жена пережила его на 20 лет, проводя с весны до глубокой осени время у сына в Мураново, где для нее Иван построил отдельный дом, а зимние месяцы на Большой Итальянской, переименованной в 1912 году в ул. Жуковского, в скромной квартире. Она привела в порядок весь архив своего мужа, подготовила к печати его эпистолярное наследие. При жизни Тютчева вышло всего два сборника его стихов. В 1854 году И.Тургенев и Н.Некрасов, а в 1868 году Иван Тютчев и Иван Аксаков выпустили эти книжки.

Поэт писал: «Нам не дано предугадать/ как слово наше отзовется...». Тютчевское слово не только дошло до нас, но останется на бесчисленное число поколений. В Петербурге в Пушкинском Доме занимаются творчеством Тютчева, изучают его наследие. Не исчезают сборники его стихов с полок книжных магазинов. О его жизни в Петербурге напоминает мемориальная доска. В XX веке личность и творчество Тютчева привлекали к себе особое внимание поэтов от Блока до Кушнера, и, конечно, будут еще и еще привлекать бездонностью своей мысли и глубиной чувств.

Мы являемся свидетелями того, что поэзия Тютчева через 145 лет после его кончины продолжает трогать сердца и волновать умы наших современников.

В Петербурге Ф.И.Т. был хорошо известен с разных сторон: Как «лев салонов» - так назвал его П.А. Вяземский; как придворный, как государственный чиновник, и, наконец, как поэт, воспевавший наш «север, чародей», нашу Неву. Кстати, первая прижизненная книга его стихов была издана петербуржцами (Некрасовым и Тургеневым) и в Петербурге, где тут же была раскуплена любителями поэзии.

Банникова Мария Сергеевна,
кандидат филологических наук, учитель русского языка и
литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 25» г.
Брянска
(Брянск)

Водная стихия в жизни человека
(по материалам поэзии Ф.И. Тютчева)

Вода – источник жизни на Земле, великая природная ценность, покрывающая 71% поверхности нашей планеты, самое распространенное химическое соединение и необходимая основа для существования всего живого на планете. Высокое содержание в растениях (до 90%) и в теле человека (около 70%) лишь подтверждает важность этого компонента, не имеющего вкуса, запаха и цвета. Вода, как и огонь, воздух и земля, – один из базовых концептов национальной культуры каждого народа, независимо от природно-географических и климатических условий. Вода жизненно необходима человеку и природе в целом, и в то же время вода – опасная для человека среда.

В различных мифологиях вода выступает в качестве первоначала, исходного состояния всего сущего, эквивалентного первобытному хаосу. Она же знаменует собой финал всех вещей, так как в эсхатологических мифах с водой связан мотив потопа [Кононенко 2003: URL].

Народная мудрость сложила о воде множество изречений (всего же в русском литературном языке, по подсчетам Н.Н. Кондратьевой, пословиц и поговорок с семей 'вода' около 40): «Вода – сама себе царь»; «Вода – всему голова»; «Вода – кровь матери-земли» и т.п. [Кондратьева 2005]. В русском языке имеется достаточно большое количество фразеологизмов с компонентом 'вода', основанных на особых ее свойствах, среди которых выделяются и такие, как стихийность, сопоставимая по силе с огнем; способность воды быть очищающей, «испытывающей» стихией; целебные свойства, включая и мифические; способность разделять, разъединять; магические свойства [Богатырева 2009: 101–105]. Из воды, по народным представлениям, произошло всё: земля, свет, жизнь. Вода воспринимается как дар Бога. Ей присуща способность исцелять, она может очищать от телесной и духовной скверны. Воду приписывают лечебные и провидческие свойства. Она имеет разрушительную силу, отождествляется с хаосом: «Где вода – там и беда». Двойственная природа воды находит отражение и в отношении восточных славян к бане. Процесс мытья, очищения от грязи, с одной стороны, – это освобождение от дурного начала в человеке, его приближение к Богу и основным христианским ценностям [Яковлева 2000]. С другой – баня, по мнению ряда исследователей, наряду с овином, кузницей, считалась пространством «нечистым», и поэтому опасным [Лотман, Успенский 1977; Успенский 1979].

Таким образом, вода – двойственный символ: она – источник жизни, но она же таит в себе угрозу гибели. В связи с этим можно вспомнить и недавние события. Так, в двадцатых числах июня 2018 года группа

мальчиков и их тренер по футболу решили завершить учебную неделю коротким походом. На велосипедах они добрались до национального парка неподалёку и погрузились в пещеру Там Луанг Нан Нон, которая представляет собой сеть естественных подземных лабиринтов, промытых в известняке. Образованы все эти красоты просачивающейся с поверхности, с горных склонов, водой. Именно она и стала причиной беды. Когда группа находилась под землёй, дожди спровоцировали резкое затопление части туннелей. Девять суток спасатели пробивались через засорившийся залитый лабиринт. Несколько дней детей готовили к погружению. В результате дайверы вывели на поверхность всех узников пещеры, но не обошлось без жертв: погиб тайский дайвер, которому не хватило воздуха для возвращения.

Такие противоречивые характеристики водной стихии носят системный характер в поэзии Ф.И. Тютчева. Вода в его поэтической картине мира – главная из четырех стихий, являющихся основой жизни во Вселенной. Об этом с научной достоверностью пишет в своих письмах-статьях Б.М. Козырев. По его подсчетам, «... более чем в одной третьей части всех оригинальных стихотворений Тютчева есть образы, связанные с его излюбленной водной стихией, а примерно в одной десятой части – эти образы являются центральными, так или иначе определяющими тему стихотворения» [Козырев 1988: 99]. Л.А. Озеров заметил: «Наблюдать за водой Тютчев, очевидно, очень любил. Это видно по стихам. Многие прямые и ассоциативные образы у него связаны с водой» [Озеров 1975: 84]. Особую роль водной стихии в лирике Тютчева отмечают А.Л. Голованевский [Голованевский 2013: 10], В.Н. Аношкина [Касаткина 1969: 20], [Аношкина 2006: 38].

Вода является основой всего сущего, вода же останется и после того, как все сущее исчезнет: *«Когда пробьет последний час природы, / Состав частей разрушится земных: / Всё зримое опять покроют воды, / И Божий лик изобразится в них!»* («Последний катаклизм», 85).

Воды – часть мира природы, в частности, пейзажа, связанного с временами года: *«А воды уж весной шумят»* («Весенние воды», 105), *«Поют деревья, блещут воды»* («Сияет солнце, воды блещут...», 185). Воды у поэта зачастую одухотворены, они «живые», имеют свой нрав, то тихий («молчаливы», «дремлющие»), то бурный («кипящих вод»), находятся в непрерывном движении («бегут», «стремят свое течение»). Они могут быть отголоском «вод родных» для человека, живущего на чужбине. Как отмечает В.Н. Аношкина, вода у Тютчева «подвижно-изменчива, вечно движущаяся, как время, как жизнь человека» [Аношкина 2006: 38].

Выходя на поверхность, подземные воды становятся родником, источником или ключом. Особого внимания заслуживает само наименование «ключевые воды», используемое поэтом дважды, и оба раза в составе сравнений, причем здесь мы наблюдаем характерное для поэта противоположное решение одних и тех же вопросов. В строках *«И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / Как бы горячих ног ея / Коснулись ключевые воды»* («Летний вечер», 79) «ключевые воды» – это вода,

бьющая из земли, источник или родник. Ключевые воды в данном случае своей прохладой избавляют от страданий, вызванных знойным днем, выступают в качестве гармонического начала, нейтрализующего хаотическое, воспринимаются как безусловное благо. Так, В.Н. Топоров отмечает, что у Тютчева «Свежесть, прохлада, влага, роса, дождь, гроза – живительные начала, противоположные зною» [Топоров 1995: 598]. Таким образом, можно предположить, что у поэта в данном случае «ключевые» и «горячие» выступают в роли контекстных антонимов, что вполне укладывается в логику его поэтической картины мира.

Интересно, что из всех русских поэтов образ ключевых вод в своих произведениях, кроме Тютчева, использовали только А.П. Сумароков и В.И. Иванов, но всегда в прямом значении, не наделяя их какими-то особыми качествами и свойствами.

Уже в ранних произведениях вода становится основой для различного рода метафорических переносов. В стихотворении «С.Е. Раичу» (1820 г.), написанном по поводу окончания перевода им поэмы Вергилия «Георгики», Тютчев осмысливает поэтический труд как преодоление серьезных водных преград: *«Неверные преодолев пучины, / Достиг пловец желанных берегов... / ...И ты рассек с отважностью и славой / Моря обширные своим рулем...»* (<С.Е. Раичу>, 55). Здесь употребление лексемы *море* соответствует словарному значению «2. *Перен.* Обширное, безбрежно простирающееся пространство чего-либо» [БАС-6: 1260]. Для этого метафоризируются существительные, принадлежащие как к ядру ЛСП «Вода» (*пучина, пловец, воды, море*), так и к его периферии (*берег, пристань, челнок*). Поэтический труд отождествляется с *пловцом* (поэт), преодолевающим на своем челноке *неверные пучины* (все трудности перевода): с успехом завершив работу, *«...Влетаешь в пристань с верным торжеством»*. Таким образом, борьба с различного рода жизненными трудностями и победа над ними в ранней лирике Тютчева связаны с бурными проявлениями водной стихии.

Вся сознательная творческая жизнь поэта, в особенности ее ключевые моменты, связаны с морским и речным пейзажами, с океаном. Океан – самый крупный из существующих на Земле водных объектов. Поэт показывает его как могучую стихийную силу, то благосклонную к человеку: *«Над цепью диких гор, лесистых стран / Полет богоподобный веет, / И уж вдали открылся и светлеет / С заливами своими океан»* («Из «Фауста» Гете», 116), то губительную для него: *«Корабль в густом сыром тумане / Как бы затерянный стоит... / Недавней бурей в океане / Компас изломанный молчит»* («Корабль в густом сыром тумане...», 284).

Что касается моря, то это, пожалуй, самый любимый водный объект для Тютчева (42 употребления), который в лирике поэта служит прежде всего для обозначения предельности/непредельности пространства. Другое дело – атрибуты моря, вал и зыбь. Вал у поэта – стихийная, чаще всего грозная и разрушительная сила. Так, к примеру, в отрывке из «Федры» Расина именно вал извергает *«чудовищного зверя, и он же «Как бы объятый страхом, хлынул вспять»* (<Из «Федры» Расина>, 100). Антропоморфизация водных

объектов – любимый и постоянный прием в тютчевской поэзии. Грозное впечатление от силы огромных волн поддерживается как на морфологическом уровне (использование семантически говорящих причастий *терзающий, сокрушенный*), так и на фонетическом (аллитерацией на [р]), передающей рокот разбушевавшейся морской стихии.

Но в поэтической картине мира Тютчева есть место и для «*светлой лазури спокойных валов*» («Урания», 50), валы у него «*пели*» («Сон на море», 106), вал может звучать громко, но не пугающе: «*шумный вал*» («По равнине вод лазурной...», 156).

В первый период своего творчества поэт увлечен образом огромных, в основном морских, волн, их могучей силой, но позднее отказывается от него в пользу других форм движущейся воды, каковой является, например, зыбь.

В поэзии Тютчева зыбь во всех девяти контекстах – принадлежность только водной стихии. Лексема употребляется только в номинативном значении, причем это наименование может заменять собой всю стихию воды, реализуя не очень частый для поэта прием синекдохи: «*И беспрерывно бури воют, / И землю с края в край метут, / И зыбь гнетут, и воздух роют...*» («Из «Фауста» Гете», 113). Две стихии из трех названы прямо: земля, воздух, а вода – это «зыбь». В этом раннем по времени контексте уже проявляется особое отношение автора к водной стихии, которое сохраняется на протяжении всего творчества и проявляется по-разному. Так, в начале 1850-х гг., во время зарождения любовного чувства к Е.А. Денисьевой, зыбь в стихах Тютчева прямо является свидетельницей и участницей тайного свидания: «*И опять звезда играет / В легкой зыби невских волн, / И опять любовь веряет / Ей таинственный свой челн. / И меж зыбью и звездой / Он скользит как бы во сне / И два призрака с собою / Вдаль уносит по волне*» («На Неве», 165). В других случаях при помощи образа зыби поэт уподобляет интимные переживания обряду обручения венецианских дождей с Адриатическим морем: ср. «*Не кольцо, как дар заветный, / В зыбь твою я опустил, / И не камень самоцветный / Я в тебе похоронил*» («Ты волна моя морская...», 183) <=> «*Дождь Венеции свободной / Среди лазоревых зыбей, / Как жених порфирородный, / Достославно, всенародно / Обручался ежегодно / С Адриатикой своей*» («Венеция», 161).

В более позднее время, в 1865 г., Тютчев пишет о зыби, включая лексему в состав многокомпонентного обращения с атрибутивом и постпозицией определения: «*Зыбь ты великая, зыбь ты морская, / Чей это праздник так празднуешь ты?*» («Как хорошо ты, о море ночное...», 216). О подобных конструкциях И.М. Наумова говорит так: «Обращения с прилагательными в постпозиции при своей относительной немногочисленности <...> более информативно значимы, экспрессивны и в силу своих комбинаторных способностей обязательно реализуют субъективный компонент высказывания» [Наумова 2000: 14]. И действительно, в двух идущих подряд контекстуально анимизированных обращениях у изучаемого автора в первом случае в постпозиции находится эпитет «великая», который совмещает здесь два значения: «1. Превышающий

обычную меру, очень большой» и «2. Выдающийся по своему значению, по своим достоинствам» [MAC: URL]. Таким образом, при помощи одного только слова дается объективная характеристика морской волны по величине, и в то же время поэт выражает свое благоговейное отношение к могуществу водной стихии, преклонение перед ней. В этом же стихотворении, написанном уже после смерти Е.А. Денисьевой, образ моря – последнее пристанище для измученной скорбью души: «*В этом волнении, в этом сиянье, / Весь, как во сне, я потерян стою – / О, как охотно бы в их обаянье / Всю потопил бы я душу свою...*» («Как хорошо ты, о море ночное...», 216). В более раннем стихотворении из этого же цикла, «Ты волна моя морская...», – тот же образ, но морская глубина здесь – символ слияния душ возлюбленных: «*Нет – в минуту роковую, / Тайной прелестью влеком, / Душу, душу я живу / Схоронил на дне твоём*» («Ты волна моя морская...», 183). Морская стихия сопутствует поэту и в счастье, и в горе, и это проявляется в сходных образах.

Образ реки – второй после моря излюбленный образ для поэта. Эпитеты, связанные с *рекой*, характеризуют ее с точки зрения цвета («лучистая», «в золотые»), характера движения («плавные»), отношения героя стихотворения («тебе любезной»). Несколько отдельно от них отстоит эпитет «великих», выражающий отношение к рекам как к границам будущего славянского царства и имеющий в данном контексте политическую окраску. Еще дальше – признаковая и предикативная связанность реки в стихотворении «Глядел я, стоя над Невой...»: «*Всходили робко облака / На небо зимнее, ночное, / Белела в мертвенном покое / Оледенелая река*» («Глядел я, стоя над Невой...», 150). Приятная сердцу поэта картина – река и небо с облаками – переносится в иную ситуацию: ночного северного городского пейзажа, столь нелюбимого Тютчевым. Река здесь практически обездвижена – образ крайне редкий при изображении водной стихии. Эпитет «оледенелая» соотносится с «мертвенным покоем», приобретая семантику то ли сна, то ли смерти, которая отчасти поддерживается глаголом «белела», вызывающим ассоциации с саваном. Так при помощи объекта водной стихии автор рисует образ немилого для него Севера.

Таким образом, вода, являясь для Тютчева стихией по преимуществу, предстает в его поэтической картине мира как сила, несущая человеку и благо, и зло. Она же служит для выражения политических убеждений автора, его личных симпатий и антипатий, показывает отношение поэта к различным жизненным явлениям и даже символизирует его возлюбленную, обнимая собой материальный и духовный мир.

Литература

1. Аношкина, В.Н. Красота природы и человеческой души. Лирика Ф.И. Тютчева 1810–1840х годов / В.Н. Аношкина // Федор Иванович Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: сб. научн. тр. / сост.

В.Н. Аношкина; под ред. В.Н. Аношкиной и В.П. Зверева. – М.: Пашков дом, 2006. – 640 с.

2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 томах. – М.–Л., 1950–1965.

3. Богатырева, Е.Н. Семантическое поле фразеологизмов и паремий с компонентом «вода» в русском языке (особенности соотношения их внутренней формы и актуального значения) / Е.Н. Богатырева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – №4. [Электронный ресурс] URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-frazeologizmov-i-paremiy-s-komponentom-voda-v-russkom-yazyke-osobennosti-sootnosheniya-ih-vnutrenney-formy-i>

4. Голованевский, А.Л. Тютчев – русская языковая поэтическая личность / Монография. / А.Л. Голованевский. – Брянск: «Курсив», 2013. – 292 с.

5. Касаткина, В.Н. Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева / В.Н. Касаткина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969. – 256 с.

6. Козырев, Б.М. Письма о Тютчеве / Б.М. Козырев // Литературное наследство: Ф.И. Тютчев. – Т. 97. В 2-х книгах. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – 590 с. – С. 70–131.

7. Кондратьева, Н.Н. Словообразовательное гнездо с вершиной вода: история и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кондратьева Надежда Николаевна. – Москва, 2005. – 309 с.

8. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Вопросы литературы. – 1977. – №3. – С. 148–167.

9. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Изд-во «Русский язык», 1999 [Электронный ресурс] URL:<http://feb-web.ru/feb/mas-abc/>

10. Наумова, И.М. Статус обращения в поэтической речи XIX века: (На материале текстов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наумова Ирина Михайловна. – Белгород, 2000. – 21 с.

11. Топоров, В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах / В.Н. Топоров // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. – С. 575–622.

12. Тютчев, Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева / Ф.И. Тютчев. – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.

13. Успенский, Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале "Хождения за три моря Афанасия Никитина") / Б.А. Успенский // Вторичные моделирующие системы. – Тарту, 1979. – С. 59–63.

14. Яковлева, Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 200–214.

Чернова Любовь Михайловна,
заведующая экспозиционно-выставочным отделом ГАУК МО
«Музей-заповедник «Усадьба «Мураново» имени Ф.И. Тютчева»
(Московская область)

Страницы истории рода фон Пфеффель: европейские родственники Ф.И. Тютчева

I. Введение. Роль представителей рода фон Пфеффель в европейской литературе, политике и науке.

Фон Пфеффель – один из наиболее древних аристократических родов. В исторических документах с XIII века упоминаются представители этого рода. Многие из них были выдающимися личностями, внесшими вклад в развитие европейской науки, литературы и дипломатии. Наиболее заметными были успехи фон Пфеффелей в области политики.

Жан-Конрад фон Пфеффель был не просто юрисконсультom французского короля. Сама эта должность была создана специально для него в 1722 году (время регентства герцога Орлеанского)¹ и стала наследственной благодаря тому, что Жан-Конрад блестяще исполнял свои обязанности.

Кристиан-Фредерик фон Пфеффель был известнейшим теоретиком дипломатии. Ему принадлежит несколько фундаментальных исследований по истории права. Например, «Реферат. Хронология истории публичного права в Германии», множество исследований о правовых установлениях Авиньонских пап и о границах Баварии в IX-X вв. Эти труды были признаны «исключительно своевременными и внесшими огромный вклад в упорядочивание чрезвычайно сложного законодательного хаоса»².

Кристиан-Гюбер фон Пфеффель принимал участие в Венском конгрессе в качестве консультанта представителей Пруссии³, работал послом в Париже и Лондоне.

Но не только занятия дипломатией и наукой вдохновляли представителей рода фон Пфеффель. Именно из этого семейства происходят два талантливых литератора. Один из них, Теофил-Конрад фон Пфеффель, считается одним из лучших писателей эпохи Просвещения, можно сказать, – эльзасским Лафонтеном. Он внес свой вклад в развитие философско-эпиграмматического жанра и жанра басни, в котором он продолжил традицию Ф. Геллерта. Наиболее известный его сборник – «Поэтические опыты», куда вошли чувствительные баллады, романсы, нравоучительные идиллии и басни. Кроме того, Теофил-Конрад был выдающимся педагогом своего времени. Из стен его знаменитой Военной Академии в Кольмаре за 16 лет её существования вышло 288 учеников, среди них – немало будущих генералов.

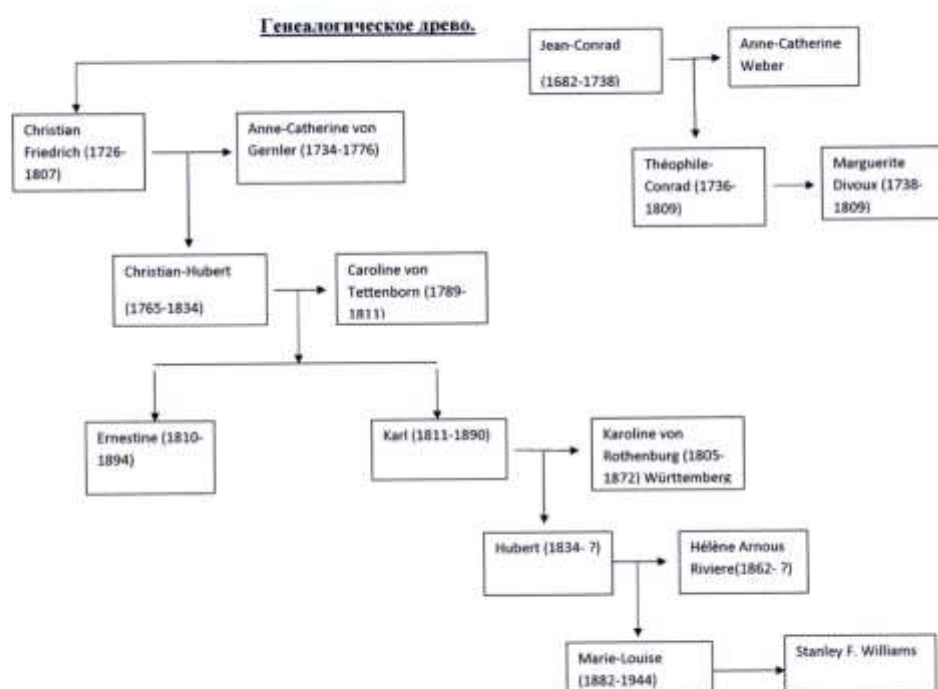
¹Фредерик Шоелл. Курс истории европейских государств. Том 42. История XVIII века. Берлин, 1833, с. 247

² Henri-Robert (Jacques), Chrétien Frédéric Pfeffel, Stettmeister de Colmar, jurisculte et diplomate de Louis XV à Napoléon, *Annuaire de Colmar*, 1978, p. 69-74.

³ Brian E. Vick. The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon, London, 2014, с.304.

Миннезингер Херр Пфеффель (Пфеффель фон Пфеффе) был одним из лучших поэтов немецкого Средневековья. Подробнее о его творчестве будет сказано ниже.

Представители рода фон Пфеффель внесли большой вклад в дипломатию, науку и литературу Европы. Они были аристократами в лучшем смысле этого слова: им были свойственны большое трудолюбие, усердие и преданность своему делу, глубокая порядочность во всех проявлениях. Результаты их деятельности заслуживают подробного и внимательного изучения.

II. Генеалогическое древо семьи фон Пфеффель.

III. Страницы семейной истории.

1. Пфеффель фон Пфеффе – знаменитый немецкий миннезингер XIII века и его произведения.

Семья фон Пфеффель происходит из маркграфства Хохберг в герцогстве Баден. Семейное предание возводит историю рода к Герману VI (1225-1250 гг.), маркграфу Бадена, герцогу Австрии и Штирии⁴, вероятно, по линии его дочери Агнессы (1250-1295 гг.)⁵. Документальных подтверждений этому нет. Хотя Амели Лина Бек-Бернар указывает на некие старинные свитки, но не только не цитирует, но даже конкретно не называет их.

⁴ Амели Лина Бек-Бернар «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар», Лозанна, 1866, с. 6.

⁵ Сын Германа VI – Фридрих I был казнен в возрасте 18 лет, не оставив потомства.

Родоначальник Пфеффелей носил фамилию фон Вандельбург, – это название фигурировало также среди его титулов⁶. Косвенное подтверждение этому имеется в описи дворянства Высокого Рейна, где среди титулов Пфеффелей упоминается фон Вандельбург⁷.

Среди предков рода фон Пфеффель был трубадур (миннезингер) XIII в., имя которого достоверно неизвестно⁸, несмотря на то, что это первый представитель рода фон Пфеффель, о деятельности которого сохранились немногочисленные источники. Амели Лина Бек-Бернар пишет, что он был признанным среди трубадуров и оставил после себя множество песен⁹. Упоминание о его биографии и произведениях есть в книге «Миннезингеры: история поэтов и их произведения»¹⁰ Фридриха Хейнриха фон Хагна, изданной в 1838 г. в Лейпциге, а также в «Поэтических рассказах»¹¹ Херранда фон Вильдони и «Швейцарских миннезингерах»¹² Бартца. Эти авторы пользуются произведениями самого Пфеффеля, Парижской песенной летописью и *Heinricus pheffili miles* (Базельский документ).

Господин Пфеффель (*Herr Pfeffel*) или Пфеффель фон Пфеффе был миннезингером из благородного рыцарского сословия, творившим во время правления герцога Фридриха Австрийского Воителя (1210-1246), последнего из рода Бабенбергов, который возвысил Австрию, сделав ее фактически независимым от Германии и самым могущественным герцогством. В первом своем произведении Пфеффель восхваляет Фридриха как «провозвестника радости, сокрытого в Австрии», богатого жертвователя, утешителя сирых. Произведение было написано в качестве подарка герцогу.

После службы у Фридриха II Бабенберга Пфеффель был странником и сочинял за деньги. Он принадлежал к тому же кругу поэтов, что и Брат Вернер, Рейнмар фон Цветер, Недхарт фон Ройнталь, Таннхаузер и другие представители поэтов при дворе последнего Бабенберга. При этом сам Пфеффель вряд ли происходил из Австрии. Парижская песенная летопись, которая представляет собой список миннезингеров по их происхождению и месту проживания, помещает имя поэта в раздел швейцарских менестрелей, что подтверждает и Базельский документ 1243 г. *Heinricus pheffili miles*, где написано: «Он был алеманом и, похоже, как другие поэты (например, Рейнмар Старший и Рейнмар фон Цветер), переехал в жизнерадостную Восточную марку (старое название Австрии)»¹³. Как видно, биографических сведений о Пфеффеле немного, да и доказать тождество поэта с его документальной тезкой нельзя. Однако можно попытаться более-менее точно

⁶ Там же.

⁷ Архив департамента Высокий Рейн в Кольмаре. *Armoires des communes du Haut-Rhin*. A1/285.

⁸ Амели Лина Бек-Бернар «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар», Лозанна, 1866, с. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Миннезингеры: история поэтов и их произведения. Фридрих Хейнрих фон Хагн. Лейпциг, 1838, том 4, с. 461.

¹¹ Поэтические рассказы. Херранд фон Вильдони. Вена, 1880, с. 62.

¹² Швейцарские миннезингеры. Бартц. Фрауенфельд, 1886, с. 71, 421.

¹³ Herzog, *Germania* 29, 35

датировать произведение Пфеффеля и выявить некоторые исторические реалии, на фоне которых оно было написано.

Для этого необходимо присмотреться к трём датам. Во-первых, успешная оборона герцога против Куенргингеров (австрийский род министриалов, служилых рыцарей) в начале 1232 года положила начало периоду спокойствия, продолжавшемуся до осени этого года. Но все же предшествующая обороне борьба была слишком короткой и незначительной, чтобы оправдать постоянные слова о сокрытой радости поэта. Более опасной была борьба с соседними государствами (Баварией, Богемией и Венгрией) в 1233 г., и год спокойствия после этой борьбы (1234) мог действительно казаться возвращением светлого дня после долгой ночи. Возможно даже предположить примерное время написания – к празднику 1 мая, дню знаменитого бракосочетания сестры Фридриха Констанции с маркграфом Хенрихом фон Мейсеном. Это был роскошный праздник, на котором присутствовали мать Фридриха Феодора, ландграф Тюрингии Генрих Распе, несколько епископов, многочисленное дворянство и, в том числе, бывшие противники Фридриха – короли Андреас Венгерский и Венцель Богемский. Еще одна возможная дата написания – Рождество 1239 года. После четырёх лет смертельной борьбы за мир, безопасность и независимость своего владения, Фридрих, который перенес все ужасы войны против императора¹⁴, вышел победителем, законным владельцем своих земель, независимым от императора. Наученный борьбой собственного народа и министриалов, восставших против него, Фридрих дает важные права и привилегии городам, гражданам и дворянам, делает щедрые пожертвования; все его противники получают амнистию. В личном общении Фридрих становится любезен со всеми и добр, в противовес прежней бесцеремонности, жёсткости и своему крутому нраву. Он объезжает владения со своей свитой, в которой служили поэты Троестелин, Ульрих фон Саксендорф и Ульрих Лихтенштейнский. В эти дни многочисленных празднеств в 1240 г. произведение Пфеффеля читали повсюду.

Второе произведение Пфеффеля учит молодого человека мудрости жизни. Третье – это любовная песня с нагромождением постоянных эпитетов, без глубокого внутреннего содержания, но написанная с определённым изяществом. Все произведения Пфеффеля несут в себе идеи и многие поэтические формы его учителя Вальтера фон Фогельвейде, величайшего поэта немецкого Средневековья. Исследователи полагают, что именно Пфеффель был лучшим учеником Фольгельвейде. Его произведения еще не затронуты придворной поэзией Недхарта фон Ройнталя, не обременены тяжеловесными фантастическими эпитетами Рейнмара фон Цветера – это классические произведения странствующего миннезингера Средневековья.

¹⁴ Имеется в виду война герцога Фридриха Бабенберга против императора Священной Римской империи 1237-1239 г.г. Герцог победил в этой войне и отделил Австрию от Священной Римской империи

2. Жан-Конрад фон Пфеффель – бургомистр Кольмара и юрисконсульт французского короля.

Архивных источников о жизни и дипломатической карьере Жана-Конрада сохранилось немного. В основном, это документы из архива Министерства иностранных дел Франции. Сохранились короткая биографическая справка о работе Жана-Конрада на должности юрисконсульта французского короля¹⁵ и некоторые его официальные донесения¹⁶. Однако, есть немало биографических произведений и научных статей о Жане-Конраде фон Пфеффеле¹⁷. Особенно часто он упоминается в связи с именами своих сыновей Кристиана-Фредерика и Теофила-Конрада.

Жан-Конрад фон Пфеффель родился в 1684 году в Мундингере (графство Баден), получил хорошее образование в Базеле и Страсбурге и перешел на службу к барону де Линкеру, придворному секретарю, который пользовался личным доверием императора Иосифа I. После смерти барона де Линкера Жан-Конрад путешествует по Германии, Голландии, Англии. Затем возвращается в Страсбург и работает архивным служащим в Энсисхайме. После объединения Эльзаса с Францией Версалью требуются сотрудники, разбирающиеся в немецком праве. Был создан совет из представителей французской общественности и эльзасских магистратов под председательством профессора права Страсбургского университета Обрехта – этот совет консультировал французского короля. После смерти Обрехта совет был преобразован в консультационный орган при интендантах провинций, а затем отнесен к министерству иностранных дел. Председатель совета получал титул юрисконсульта французского короля. Пфеффель получил этот пост в 1722 г. и служил попеременно в Кольмаре и Версале. Пфеффель составлял бумаги совета и министерства на латинском языке. Во-первых, он был ему лучше знаком, чем французский, во-вторых, латинский в это время еще считался языком дипломатии. В 1725 г. Жана-Конрада отправили в командировку в Кольмар, где он встретил молодую вдову Анну-Катерину Вебер, женился на ней и, получив французское гражданство, в 1727 г стал штеттмейстером (бургомистром). Семья проживала в доме № 41 на Большой улице в Кольмаре. Здесь 3 октября 1726 г. родился их первый сын Кристиан-Фредерик, а в 1736 г. – второй ребенок, Теофил-Конрад.

Жан-Конрад скончался в 1738 г. Свои служебные обязанности он исполнял настолько хорошо, что заслужил благоволение Министра

¹⁵ Архив Министерства иностранных дел Франции. AMAE Paris, t. 42, f. 266.

¹⁶ См., например, записку о притязаниях Саксонского дома на герцогства Бергв и Жюлье. Архив Министерства иностранных дел Франции. AMAE Paris, t. 42, fs. 33 et 38.

¹⁷ См., например, Анри-Роберт. Кристиан-Фредерик Пфеффель, бургомистр Кольмара, юрисконсульт и дипломат от Людовика XV до Наполеона *ASHAC* 1978, с. 69-74. Henri-Robert (Jacques), Chrétien Frédéric Pfeffel, Stettmeister de Colmar, jurisconsulte et diplomate de Louis XV à Napoléon, *Annuaire de Colmar*, 1978, p. 69-74.

Г. Брауэнер. Пфеффель – европеец, французский дух и немецкая культура в Эльзасе эпохи Просвещения. Страсбург, 1996, с. 233. Gabriel Braeuner, *Pfeffel l'Européen, Esprit français et culture allemande en Alsace au siècle des Lumières*, Strasbourg, Nuée bleue, 1994, p.233.

А. Саломон. Жители Эльзаса на службе в Министерстве иностранных дел в Версале в XVII и XVIII веке. - Журнал исторических и дипломатических наук, октябрь – декабрь, 1931 г., с. 5-16

Ф. Шоелл. Курс истории европейских государств. Том 42. История XVIII века. Берлин, 1833, с. 247

иностранных дел. Благодаря этому его старший сын Кристиан-Фредерик наследовал его должность юрисконсультанта короля¹⁸.

3. Кристиан-Фредерик фон Пфеффель – эльзасский историк и дипломат.

Кристиан-Фредерик фон Пфеффель упоминается в семейных хрониках, записанных правнучкой Теофила-Конрада фон Пфеффеля, известного эльзасского баснописца, Амели Линой Бек-Бернар: «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар», Лозанна, 1866 (Amélie Lina Beck-Bernard. *Théophile-Conrad Pfeffel de Colmar, souvenirs biographiques recueillis par son arrière-petite-fille M-me Lina Beck-Bernard*. Lausanne, 1866). Этому же автору принадлежат «Эльзасские биографии с портретами», где также упоминается Кристиан-Фредерик. (M-me Beck Bernard *Biographies alsaciennes avec portraits*. Colmar, 1884-1890).

Кроме того, сохранилось личное дело Кристиана-Фредерика фон Пфеффеля в архиве Министерства иностранных дел Франции¹⁹. Исследованиям в области юриспруденции и права, а также дипломатическим достижениям Кристиана-Фредерика посвящено немало монографий и научных статей²⁰.

Кристиан-Фредерик фон Пфеффель был учеником и сподвижником известного немецкого ученого Иоганна-Даниэля Шёпфлина, учителя Иоганна-Вольфганга Гёте. Кристиан-Фредерик участвовал в создании «Иллюстрированного описания Эльзаса», его перу принадлежит «Реферат. Хронология истории публичного права в Германии», множество исследований о правовых установлениях Авиньонских пап и о границах Баварии в IX-X вв. Кристиан-Фредерик служил дипломатом при дворах Саксонии и Франции, представлял интересы герцогов Дю Понт перед герцогом Баварским. Некоторое время был деканом исторического факультета Мюнхенской академии. Он был женат на Анне-Катерине фон Гернлер. Кристиан-Фредерик опекал своего младшего брата Теофила-Конрада, заботился об его образовании, именно он направил его на литературную стезю. Теофил-Конрад полностью ослеп в 23 года, и поддержка брата помогала ему не отчаиваться. Мать братьев Анна была очень строга, поэтому у них сложились более близкие отношения между собой, чем с ней.

В 1768 г. Кристиан-Фредерик стал юрисконсультантом короля Франции. До Французской революции был бургомистром Кольмара. Точная дата назначения его на эту должность неизвестна, но в Архиве департамента

¹⁸ Biografie universelle ancienne et moderne. Paris, 1823, p. 570-571

¹⁹ AMAE, Personnel, 1ère série, vol. 57, fol. 80

²⁰ См., например, Г. Брауэнер. Новый словарь эльзасских биографий. FSNA, 1985. Часть 29, с. 1072.

Э. Лерр. Пфеффель Кристиан Фредерик, 1883.

Новая общая биография. Париж, 1854, том 39, стр. 797-799.

Высокий Рейн имеются копии документов, подписанных его рукой²¹. Как приверженец монархии он был уволен министром иностранных дел Дюмурье и стал государственным советником герцога Карла II Дю Понта (Цвайбрюккена), затем после смерти герцога в 1795 году переехал в Нюрнберг. Во Франции имя Кристиана-Фредерика фон Пфеффеля внесли в список эмигрантов, его имущество распродали. В 1800 г. он по протекции Талейрана вернулся во Францию и был назначен членом смешанной комиссии округа Рейн.

Кристиану-Фредерику принадлежал усадебный дом де Лангенхаген в окрестностях Кольмара, в местечке Фортшвир (его адрес – Château de Langenhagen, 28 Grand Rue 68320 Fortschwihr, France), где бывал и его брат Теофил-Конрад. Скончался Кристиан-Фредерик 19 марта 1807 г. в Париже, будучи кавалером ордена Почетного легиона²².

4. Теофил-Конрад фон Пфеффель – баснописец и педагог.

В документах встречаются различные написания его имени: Théophile Conrad Pfeffel, Amédée Conrad Pfeffel, Gotlieb Konrad Pfeffel, Gotlieb Conrad Pfeffel). Теофил-Конрад Пфеффель родился 28 июня 1736 г. В это время семья фон Пфеффель жила в доме номер 41 на Большой улице в Кольмаре (41 Grand Rue 68000 Colmar, France). Но вскоре они переехали на Пшеничную улицу (rue des Blés), которая была переименована в улицу Шоффур (современный адрес – 15 rue Chauffour 68000 Colmar, France), где поэт и прожил всю свою жизнь. Это был уникальный писатель и педагог, посредник между французской и немецкой культурами. Свое первое образование Теофил-Конрад получил в Кёндрингене, неподалеку от Эммендингена, у протестантского пастора Николя Кристиана Сандера (Nikolas Christian Sander) (1722-1794 гг.), друга семьи, который «научил его искусству думать и еще более трудному искусству – жить»²³

В 15 лет он поступает на факультет права в Галльский Университет в Германии. Французское образование было недоступно дворянам-протестантам. Там он слушает курсы лекций по праву, философии, истории и естественным наукам. Его образованием занимался старший брат Кристиан-Фредерик, опекавший Теофила после смерти отца. По семейной традиции, Теофила готовят к карьере дипломата, но у юноши начинает стремительно слабеть зрение, что заставляет его сменить факультет на филологический, тем более, что Теофил с детства обожал читать и писать, и мать часто заставляла его за книгами по ночам.

В Университете Теофил проникается идеями немецкого Просвещения, знакомится с известным баснописцем Геллертом, теологом Иоганном Иоахимом Спалдингом и другими известными учеными и писателями.

²¹ См., например, Архив департамента Высокий Рейн в Кольмаре. Armoires des communes du Haut-Rhin. A1/403

²² Сведения из книг Амели Лины Бек-Бернар «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар», Лозанна, 1866, с. 7 и Филиппа де Гольбери «Справочник Высокого Рейна» Кольмар, 1833, с. 156.

²³ Gabriel Braeuner, Pfeffel l'Européen, Esprit français et culture allemande en Alsace au siècle des Lumières. Strasbourg, Nuée bleue, 1996. P. 56.

Немецкий язык навсегда становится языком его творчества, хотя он прекрасно говорил и писал по-французски. Этим языком он пользовался в семье, в общении с друзьями и в своей переписке. Немецкий язык для него – это язык науки, культуры и Просвещения.

После нескольких лет учебы и путешествий будущий писатель возвращается в Эльзас. «Это был молодой человек низкого роста, но элегантный и с прекрасными манерами. Его черты были утонченные и благородные. Его черные глаза сияли, освященные поэзией и благородством. Его приятный голос проникал в самое сердце. Такое описание составили знающие его люди»²⁴.

Теофил-Конрад часто гостит в Страсбурге у своего дальнего родственника Андре Диву (André Divoux). Его 18-летняя дочь Маргарита заботится о теряющем зрение родственнике, читает ему и пишет под его диктовку, чтобы беречь его глаза. Молодые люди влюбляются друг в друга, вскоре состоялась их помолвка. В это время 23-летний писатель окончательно теряет зрение после неудачной операции, что чуть не расстроило свадьбу.

Однако Маргарита мужественно принимает его слепоту. В этом браке родилось 13 детей. Теофил-Конрад занимается литературой и преподаванием. В 1760 г. он открывает Читательское общество, рассчитанное на эрудитов-протестантов. В 1770 г. он знакомится с Гёте, который только что поступил в Университет Страсбурга. В этом же году от болезни умирает его старший сын Кристель, талантливый десятилетний мальчик, на которого отец возлагал много надежд. Это подвигает его к созданию Военной Академии в Кольмаре, где могли учиться дети всех сословий, независимо от вероисповедания. В 1773 г. учебное заведение открывает свои двери. За 20 лет в Академии получили образование 288 учеников, среди них было немало будущих генералов. К сожалению, школа была закрыта навсегда после Великой Французской Революции.

В 1788 г. Теофил-Конрад становится членом Прусской Королевской Академии изобразительного искусства и механических наук в Берлине. Во время Революции поэт выживает с огромным трудом, он пишет до изнеможения, чтобы хоть как-то кормить семью. Но денег все равно катастрофически не хватает. Префект Ноэль принимает его на работу секретарем-переводчиком. В это время его замечает Наполеон и назначает Президентом протестантской консистории в Кольмаре, дабы продвигать идеи империи в среде образованных людей. В это время он получает пособие в 1200 франков.

Пфеффель усердно трудится, но все больше страдает от ревматизма. Его брат Кристиан-Фредерик умирает в 1807 г., а через два года, 1 мая 1809

²⁴ Амели Лина Бек-Бернар «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар». Лозанна, 1866. С. 25.

г., не стало и самого Теофила-Конрада. Его преданная жена Маргарита умерла несколькими месяцами позже²⁵.

Таким образом, представители рода фон Пфеффель внесли большой вклад в юриспруденцию, дипломатию и культуру Франции. Они были аристократами в лучшем смысле этого слова, что подразумевает большое трудолюбие, усердие и преданность своему делу, глубокую порядочность во всех проявлениях. Это уникальное, высокообразованное семейство одинаково свободно владело немецким и французским языками, в нём слились воедино немецкие и французские культурные традиции.

IV. Заключение.

Таким образом, изучение истории рода фон Пфеффель открывает интереснейшие страницы европейской истории и культуры. Ведь представители этого семейства занимали не только важные государственные должности, но и развивали науку, литературу, историю, педагогику, принимали участие во всех важнейших общественных процессах своего времени. В докладе описаны только важнейшие вехи семейной истории. Множество документов, касающихся фон Пфеффелей, еще не исследованы или не найдены, так что здесь предстоит еще немало открытий

²⁵ Сведения из книг Амели Лина Бек-Бернар «Теофил-Конрад Пфеффель из Кольмара, биографические воспоминания, собранные его правнучкой Амели Линой Бек-Бернар». Лозанна, 1866. С. 25; Gabriel Braeuner, Pffeffel l'Européen, Esprit français et culture allemande en Alsace au siècle des Lumières, Strasbourg, Nuée bleue, 1996. P. 56.

Сахно Александр Анатольевич,
кандидат исторических наук, заместитель директора по научной
работе ГАУК МО «Музей-заповедник «Усадьба «Мураново» имени Ф.И.
Тютчева» (Московская область).

**О служебной деятельности Н.И. Тютчева, внука поэта, в
дореволюционный период**

Николай Иванович Тютчев (1876 - 1949), внук поэта Ф.И. Тютчева, вошёл в историю, в первую очередь, как основатель и многолетний директор Мурановского музея. В начале 1920-х годов он создал в усадебном доме экспозицию, явившуюся, по словам поэта М.А. Волошина, изумительным ансамблем, «который делает честь русскому музейному делу и является одним из лучших европейских достижений в этой области». Основу музейных коллекций составили вещи, находившиеся здесь при владельцах усадьбы и привезённые из имений ближайших родственников Ф.И. Тютчева. Николай Иванович Тютчев был на посту директора музея до 1949 года, пережив за это время многие невзгоды, связанные с сохранением не только музейных коллекций, но и самого мурановского дома. В 1946 году он был удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Революцию 1917 года Николай Иванович встретил в придворной должности церемониймейстера, в чине надворного советника и имея за плечами многолетнюю работу чиновником особых поручений в ведомстве московского генерал-губернатора. Удивительно, как человек с такой биографией, смог пережить грозные события, обрушившиеся на Россию после 1917 года, в том числе страшные времена сталинских репрессий. Тема служебной деятельности Н.И. Тютчева в дореволюционный период, естественно, никак не освещалась в музейной работе в советское время. Долгое время этот вопрос не был предметом исследования и для учёных в постсоветской России. Но архивы сохранили сведения о служебной деятельности Николая Ивановича Тютчева до 1917 года, и в нашем сообщении мы представим, основываясь на архивных источниках, этот малоизученных до настоящего времени вопрос.

Николай Иванович Тютчев родился в старинной дворянской семье. Его отец Иван Фёдорович Тютчев (1846 - 1909) – сын поэта Ф.И. Тютчева, известный общественный и государственный деятель, мать – дочь литератора Н.В. Путяты, племянница поэта Е.А. Боратынского.

Николай был третьим ребёнком в семье (его брат и сёстры: Софья (1870 – 1957), Фёдор (1873 - 1931) и Екатерина (1879 - 1957) и воспитывался в уютной, душевной домашней атмосфере. У него было счастливое детство, полное любви и ласки. «Маленький Коля – красивый мальчик, самый крепкий из троих, не похожий ни на отца, ни на мать, живой, весёлый, очень предприимчивый и решительный по характеру». Эрнестина Фёдоровна

Тютчева ещё в маленьком мальчике заметила основные черты характера внука: предприимчивость и решительность.

Дети И.Ф. Тютчева получили хорошее домашнее образование, с семи лет к ним нанимают гувернеров и гувернанток. Они изучали латынь, греческий, французский, немецкий и английский языки, обучались музыке и многому другому, а по окончании домашнего образования мальчики сдали выпускные экзамены в Сергиево-Посадской гимназии.

В шестнадцать лет Николай Тютчев поступил в Московский лицей памяти цесаревича Николая - привилегированное закрытое высшее учебное заведение для детей из дворянских семей. Юноша, по словам бабушки, обладал «хорошим вкусом и врождённым чувством комфорта и элегантности». Интересно, что на одном курсе с Н.И. Тютчевым учился Сергей Владимирович Симанский (1877 - 1970) – будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий I²⁶. В экспозиции церковно-археологического музея Московской духовной академии в г. Сергиевом Посаде сохранилась фотография, на которой изображён выпускной класс 1906 г., среди учащихся можно найти Н.И. Тютчева и С.С. Симанского. После окончания «Катковского лицея» (как ещё называли это учебное заведение по имени основателя) в 1896 году его обучение продолжилось в Демидовском лицее в Ярославле, где Николай Тютчев получил юридическое образование. Фотографии Н.И. Тютчева этого периода удалось обнаружить в архиве кинофотофонодокументов (г. Красногорск). В 1903 году начинается служебная деятельность в Управлении Московского генерал-губернатора внештатным чиновником особых поручений VII класса. Начинается период, интересующий нас более всего.

Перед тем, как приступить к описанию служебной деятельности Н.И. Тютчева, обратимся к тем источникам и литературе, в которой содержатся сведения по интересующей нас теме. На сегодняшний день основным источником сведений о служебной деятельности Н.И. Тютчева с 1903 по 1912 гг. является Формулярный список о службе штатного чиновника особых поручений VII класса при Московском Генерал—Губернаторе в звании Камер-нкера Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Коллежского Ассессора Тютчева (РГИА, Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 47-55). Дополнительным источником является «Дело Канцелярии Московского генерал-губернатора <...> Николая Тютчева <...>» (ЦИАМ, Ф. 16. Оп. 202. Е.х. 98).

Основные источники по служебной деятельности Н.И. Тютчева с 1913 по 1916 гг. и как дополнительные источники с 1903 по 1912 гг. – Придворные календари соответствующих годов.

Дополнительный источник по служебной деятельности Н.И. Тютчева – книга «Почётный экземпляр Гофмейстера двора Его Императорского ВЕЛИЧЕСТВА Дмитрию Константиновичу Сементовский-Курило. Чины и

²⁶ Календарь Императорского Лицея в память цесаревича Николая на 1907—1908, 1908—1909 учебные годы : Серия 2. Годы 14-й и 15-й. Москва, 1909.

Свита Их Величеств. Ред-изд. А.М. Шампаньер» (ОКФ музея «Мураново». КП-2700/2732). Ещё один дополнительный источник по служебной деятельности — воспоминания Н.В. Пигарева (Статья «Муранова: дом и музей» из кн. «Москва Родословная. М. 1998»)

Названный выше формулярный список подтверждает, что Н.И. Тютчев «окончил курс юридических наук в Демидовском юридическом лицее, с званием действительного студента»²⁷. На нескольких фотографиях из фондов Музея-заповедника «Усадьба «Мураново» Н.И. Тютчев изображён с неким знаком в правой верхней части форменного костюма. Это жетон как раз Демидовского лицея.

Из формулярного списка (РГИА) мы узнаём, что Н.И. Тютчев «Являлся к отбыванию воинской повинности при призыве 1898 года и зачислен в ратники ополчения 2 разряда, в чем выдана ему Московским Городских по воинской повинности Присутствием свидетельство от 16 июля 1902 г. За № 837»²⁸. Для нас это новый факт, поскольку мурановские источники не дают таких сведений о военной службе Н.И. Тютчева. Нам точно не известно как, в течение какого срока проходила военная подготовка Н.И. Тютчева (и проходила и ли на самом деле), единственное, что мы можем сказать — это то, что по Воинскому уставу 1888 г. действительно была всеобщая воинская повинность (кроме духовенства). Призывной возраст - 21 год. Срок службы: 4 года в пеших войсках, 5 лет — в кавалерии и инженерных войсках.

В 1902-1903 годах проходит «стажировка» Н.И. Тютчева в статской службе. «Приказом Старшего Председателя Московской судебной Палаты от 31 Августа 1902 года, за № 78, определен младшим кандидатом на должность по судебному ведомству при Московской Судебной Палате с откомандированием для занятий в канцелярию Уголовного Департамента Судебной Палаты»²⁹.

Следующие записи в формулярном списке сообщают нам, что Н.И. Тютчев был «перемещен, согласно прошению, на службу в Управление Московского Генерал-Губернатора с назначением И.д. Сверхштатного Чиновника особых поручений при Генерал Губернаторе VН класса — 1903. Февраля, 19.», а позже «назначен И.д. штатного чиновника особых поручений VII класса с 1903 Марта, 4. »³⁰.

Что же входило в круг обязанностей чиновника особых поручений? Что это были за «особые поручения»? Читаем в «Энциклопедии русской старины»:

- Чиновник для особых поручений, гос. служащий, состоявший при лице высокого ранга (губернаторе, ген. -губернаторе, министре) и исполнявший поручения, не входившие в круг обязанностей штатных чиновников. Часто это были секретные поручения. Нередко Ч. д. о. п. были причислены к учреждениям, т. е. сверхштатными, не получали жалованья, но награждались

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 47 об. — 48.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Л. 49 об.

³⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Л. 49.

из особых сумм и получали чины за выслугу лет. Иногда в провинции Ч. д. о. п. были из сосланных на службу за маловажные преступления. Довольно распространено было назначение Ч. д. о. п. молодых, начинающих службу людей из аристократич. семейств, поскольку служба считалась почетной, близкой к начальству и не слишком обременительной.

В работе историка В.С. Шандры «Чиновник особых поручений при киевском губернаторе. Социологический портрет» описываются обязанности таких чиновников. «Чиновники особых поручений имели статус государственных советников, первых помощников генерал-губернаторов. Чиновники особых поручений были преимущественно потомственные дворяне, часто с военным прошлым. Примерно половина из них имели высшее образование, половина – среднее. Должность рассматривалась как этап карьерного роста. <...> Первоочередной задачей чиновников особых поручений был сбор и предоставление губернатору информации, адекватно отображающей социальные процессы. Устойчивой специализацией было управление крестьянами и еврейским населением, контроль над оборотом земель и формами землевладения. Чиновники особых поручений контролировали местный бюрократический аппарат: производили ревизии в учреждениях уездных городов, проводили расследование по всем вопросам административного и политического управления, вели следствия по жалобам о нарушении прав собственности и земельным спорам, ведали вопросами цензуры. Чиновники особых поручений при губернаторах постоянно пребывали в разъездах. Законодательством запрещалось расписывать исполняемые ими тайные поручения».

В это время генерал-губернатором Москвы был великий князь Сергей Александрович, дядя императора Николая II. Семьи великого князя и Тютчевых связывало очень многое. На протяжении многих лет отец Николая Ивановича, И.Ф. Тютчев, работал в ведомстве, возглавляемом великим князем. Также Иван Фёдорович был председателем Совета Елисаветинского благотворительного общества. Василий Евгеньевич Пигарёв, женатый на дочери И.Ф. Тютчева Екатерине Ивановне, был личным секретарём Елизаветы Фёдоровны. Другая дочь И.Ф. Тютчева, Софья, также была близка к великой княгине, кроме того, она занимала на протяжении пяти лет (с 1907 – по 1912 гг.) должность воспитательницы царских дочерей. И, разумеется, нельзя забывать, что воспитательницей великого князя Сергея Александровича была старшая дочь поэта Тютчева Анна Фёдоровна (в замужестве - Аксакова).

На протяжении 14-ти лет службы у Н.И. Тютчева сменится 8 начальников.

С началом службы Н.И. Тютчев получает и первый гражданский чин: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 7 Марта 1903 года, за N 20, утвержден в чине губернского Секретаря со старшинством»³¹. После реформы системы высшего образования 1884 года чин губернского секретаря

³¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 48-49 об.

автоматически присваивался выпускникам всех высших учебных заведений в звании действительного студента после полугодичной стажировки в статской службе.

В 1903-1904 гг. поступаю первые служебные распоряжения от начальства Николая Ивановича: «Предписанием Московского Генерал-Губернатора, за № 5657, поручено войти в рассмотрение ходатайства Председательницы Комитета Московского Общества воспитательниц и учительниц об оказании О-ву помощи для постройки богадельни и представить сведения о деятельности и средствах названного общества и соображения, заслуживает ли оно помянутой помощи» 1903. Мая, 3»³².

- «Поручение исполнено» - 1903. Мая, 19.

- По личному приказанию Московского Генерал—Губернатора в 1904 году даны поручения рассмотреть и представить заключение по следующим проектам уставов:

1) Сберегательно-вспомогательной кассы служащих Бельгийского Общества конножелезных дорог.

2) Московского О-ва бухгалтеров.

3) Общества врачей, окончивших в ИМПЕРАТОРСКОМ Московском Университете В 1902 году.

4) Московского Латинского собрания

Поручения своевременно исполнены»³³.

Упомянутое Московское общество учительниц и воспитательниц возникло в 1870-м году, было ориентировано на повышение квалификации практикующих педагогов и обеспечение их занятости. Под руководством известного педагога и деятеля народного просвещения Д.И. Тихомирова общество со временем выросло в многопрофильное учебное заведение, готовившее педагогов младших классов, учителей-предметников, а также руководительниц детских садов. На постройку здания курсов в Москве, названных впоследствии «тихомировским», он пожертвовал 200 тысяч рублей.

Бельгийское общество конножелезных дорог, для сберегательно-вспомогательной кассы которого Н.И. Тютчев должен был разработать устав, было организовано в 1885 году А.Н. Горчаковым совместно с бельгийским банкиром Р. Кумоном . Почти 120 лет назад из ворот Бутырского парка конно-железных дорог Бельгийского общества выехал первый московский электрический трамвай (один из старейших трамвайных парков Москвы на пересечении улиц Новая Башиловка и Нижняя Масловка).

В 1905 году Н.И. Тютчеву предписывалось исполнить следующее:

«С разрешением Министра Внутренних Дел, предложением за № 3058, командирован в распоряжение Московского Градоначальника для усиления

³² Там же.

³³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 49 об.-50.

личного состава инспекторского надзора за типографиями и т.п. заведениями в Москве» - 1905. Марта, 24.

«За восстановлением действий Генерал-Губернаторского Управления, откомандирован из распоряжения Градоначальника» 1905.Апреля, 12»³⁴.

Последняя запись в формулярном списке объясняется следующим образом. В период между отставкой великого князя Сергея Александровича (1 января 1905 года) и назначением А.А. Козлова (14 апреля 1905 г.), пришедшейся на развитие революции 1905 г., генерал-губернатора в Москве не было.

В 1906 г. за выслугу лет Н.И. Тютчев был произведён в Коллежские секретари³⁵. Как правило, лица, имевшие этот чин, занимали невысокие гражданские должности.

В 1906 – 1907 гг. Н.И. Тютчевым выполнялись такие служебные поручения:

«По предписанию за № 1654 назначен Членом от Генерал-Губернаторского Управления в Наблюдательную комиссию по пересыльной тюрьме и тюремной больнице на трехлетие с I-го Января 1906 года»;

«По предписанию за № 2921, назначен Членом Московского Губернского училищного Совета от Министерства Внутренних Дел. - 1907. Февраль, 23»;

Предписаниями за № 4620 и 12294 назначен в качестве депутата от Правительства для присутствования на выпускных экзаменах в Московской Консерватории в Апреле и в училище Филармонического Об-ва в Сентябре 1907 г. «Поручение своевременно исполнено»³⁶.

Московская тюремная больница была открыта при Московской Пересыльной тюрьме (с 1918 – Бутырской) не позже 1883 г. Была расположена на углу улиц Лесной и Новослободской, в нескольких корпусах рядом со зданием тюрьмы. Обслуживала места заключения Москвы и Московской губернии.

В 1907 году Н.И. Тютчев получает первый придворный чин, «ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован в звание Камер-Юнкера Двора Его Императорского ВЕЛИЧЕСТВА – 1907, Декабрь, 6»³⁷. Это был один из низших придворных чинов в Табели о рангах. На начало 1915 г. в России насчитывалось 394 камер-юнкера. Из истории мы можем вспомнить, как этим званием был пожалован поэт А.С. Пушкин. Накануне 1834 года Николай I присваивает своему историографу младшее придворное звание камер-юнкера. По словам друзей Пушкина, он был в ярости: это звание давалось обыкновенно молодым людям. В дневнике 1 января 1834 года Пушкин сделал запись: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)».

³⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 49-50 об.

³⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 50-51 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

4 мая 1909 года за выслугу лет Н.И. Тютчев был произведён в титулярные советники. В это время, как правило, титулярные советники занимали должности старших помощников столоначальников в департаментах министерств, старших помощников секретарей, протоколистов, регистраторов и переводчиков в Сенате, вице-консулов и т.д.

В 1909 году Н.И. Тютчев выполняет следующие поручения по службе:

«Предложением за № 4026, назначен Членом от Генерал-Губернаторского Управления в

Наблюдательную Комиссию по пересыльной тюрьме и тюремной больнице на 3—хлетие с 1 января 1909 года» «Предложением за № 8536 поручено производство расследования по заявлению Надворного Советника Вартанесова о недобросовестных действиях конторы фабрики аппаратов «Арес» - 1909. Июля, 21»³⁸.

Поручения 1909 – 1910 годов:

«Согласно сообщению Канцелярии Московского Губернатора от 10 Декабря 1909 г., За № 29659, Московским Губернатором дано поручение по ознакомлению с деятельностью Раменского потребительного О-ва. Поручение своевременно исполнено».

«Московским Губернатором поручено: 1) предложение № 345, расследование по делу уклонения Дмитрием Орловым от исполнения воинской повинности. 2) (Предложение № 52). 3) расследование жалоб Полицеймейстера Сергиевского Посада на Пристава Посада Базилева».

«Предложением Министерства Внутренних Дел от 29 марта 1900 года за № 8732, командирован депутатом от Министерства Внутренних Дел для присутствования на выпускных экзаменах в Музыкально-Драматическом училище Московского Филармонического Общества. Поручение своевременно исполнено»³⁹.

Поручение 1911 года: «Московским Губернатором поручено на месте проверить справедливость прошения проживающих в Сергиевском Посаде детей Титулярного

Советника Собошанского, жалующихся на эксплуатацию их матери со стороны их отца»⁴⁰.

В 1911-1912 годах Н.И. Тютчеву были даны следующие служебные задания:

«Московским Губернатором дана командировка в Сергиевский посад для производства дознания о проживании там еврея Братина нерасполагающего правом жительства в Московской губернии (отношение Канцелярии Губернатора от 19 Августа 1911 г. № 16541)».

«Московским Губернатором (письмо от 24 Ноября 1911 г. За № 23198 поручено заменять на время отсутствия Камер-Юнкера ВЫСОЧАЙШЕГО Двора Статского Советника Княжевича в качестве заместителя Губернатора в

³⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 51 об.-52.

³⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Л. 52 об.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 53 об.-54.

Особой Комиссии предполагаемой к образованию при устройстве склада российского О-ва Красного Креста и Москве и парка для санитарных поездов и перевязочных средств при нем на участке земли, отведенном с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения в Анненгорфской казенной роще».

«Поручено (письмо И.д. Московского Губернатора от 16 Января 1912 года за № 1364) присутствовать на лекциях В.Г. Сахновского и М.М. Новикова в помещении Общественного Собрания Павловского Посада, Богородского уезда»⁴¹.

В 1912 году Николай Иванович получает более высокий гражданский чин коллежского асессора⁴². А в 1913 году он был произведён в церемониймейстеры⁴³ (пятая позиция в Табели о рангах среди придворных должностей).

Как уже было сказано выше, Н.И. Тютчев в 1917 г. был уже надворным советником (7-ая позиция в Табели о рангах). Сведениями о служебных поручениях Н.И. Тютчева с 1913 по 1917 гг. мы не располагаем, поскольку имеющиеся архивные документы заканчиваются как раз 1913 годом. Как известно, после революционных событий 1917 года все старые гражданские и придворные чины были упразднены.

Из архивных источников мы также знаем, какие награды имел Н.И. Тютчев. Перечислим их:

1. Орден святой Анны III степени.
2. Орден святого Станислава III степени. Этими орденами награждали чиновников за выслугу лет.

3. Медаль в память коронации императора Николая II. 26 мая 1896 года российский император Николай II своим высочайшим именным указом, данным Сенату, учредил наградную серебряную медаль «В память коронации Императора Николая II». Ее предполагалось носить на Андреевской ленте. Согласно императорскому указу, данной медалью награждали: всех состоявших на действительной службе классных, неклассных и нижних чинов, находившихся во время коронации в Москве; всех сословных и других представителей, бывших в Москве на торжествах коронации императора; всех лиц, принимавших участие в работах по приготовлению и устройству торжеств коронации; а также медальеров, мастеровых и рабочих Санкт-Петербургского монетного двора, изготавливавших медали. Всем награжденным также выдавались свидетельства на право ношения медали. За два года после издания указа на Санкт-Петербургском монетном дворе было отчеканено и вручено более 151 тысячи экземпляров. Медаль была диаметром 27 миллиметров и изготавливалась из серебра. На лицевой стороне был изображен портрет императора Николая II, смотрящего влево. Надпись по окружности гласила: слева «Б. М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ», справа «И САМОДЕРЖЕЦЪ

⁴¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Е.х. 749. Лл. 53 об.-55.

⁴² Придворный календарь. С.Петербург, 1913.

⁴³ Там же.

ВСЕРОСС.». На оборотной стороне под императорской короной была расположена надпись: «КОРОНОВАНЪ | въ Москвѣ | 14 МАЯ 1896».

4. Медаль за труды по всеобщей переписи населения. Это медаль для награждения лиц, безвозмездно работавшими счётчиками и организаторами первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Учреждена 21 ноября 1896 года по указу императора Николая II, который был дан министру внутренних дел И. Л. Горемыкину. Она не имела степеней. Всеобщая перепись населения Российской империи (первая и единственная) была проведена 28 января 1897 года. Инициатором ее стал выдающийся русский ученый Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Во время переписи было повсеместно объявлено, что это мероприятие «не будет служить поводом ни для каких новых налогов или повинностей», а цель ее «познакомиться с населением и изучать его», а также «составить точные понятия о самых различных условиях народной жизни».

Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых, брачное состояние, место рождения, вероисповедание, родной язык, грамотность и занятия. Единицей наблюдения было хозяйство. В переписи учитывались 3 категории населения: наличное, оседлое и приписное. О каждом опрашиваемом собирались сведения по 14 вопросам, включая данные о фамилии (прозвище) и отметках о физических недостатках. Вот как ставился вопрос, например, о семейном положении: холост, женат, вдовец или разведен; о грамотности: а) умеет ли читать; б) где обучается, обучался ли, кончил ли курс образования?

5. Медаль Красного креста в память Русско-японской войны. Кроме общевойсковой медали в память русско-японской войны была учреждена еще серебряная медаль Красного Креста. Медалями Красного Креста награждались все лица, принимавшие участие в деятельности Российского Общества Красного Креста: члены всех управлений, комитетов и общин, «...лица, служившие в их Канцеляриях, заведывавшие складами и трудившиеся в них; уполномоченные, агенты... врачи, фармацевты, сестры милосердия, студенты... фельдшера, санитары, артельщики, лазаретная прислуга, так и на пунктах разного наименования — перевязочных, приемных, санитарных, питательных и ночлежных, а равно и служивших по эвакуации». Этими же медалями награждались и «...лица, сделавшие более или менее значительные существенные приношения деньгами и вещами, а также содействовавшие поступлению пожертвований».

6. Медаль в память царствования императора Александра III. Медаль учреждена 26 февраля 1896 года, указом императора Николая II в память 51-й годовщины со дня рождения императора Александра III, с целью награждения чинов, состоявших на действительной государственной службе во времена его царствования. Медалью награждались священнослужители, церковные иерархи, генералы, штаб и обер-офицеры, классные чины различных ведомств.

7. Медаль к 300-летию царствования Дома Романовых. Медаль была утверждена 21 февраля 1913 года. На лицевой стороне медали портреты

погрудно Николая II и Михаила Федоровича. Медалями награждались все лица, состоящие на государственной службе. На право ношения медали выдавались свидетельства.

Калиниченко Александр Леонидович,
редактор книжно-журнального издательства «Граница»,
Заслуженный работник культуры РФ
(Москва)

**Ф.Ф. Тютчев на службе в Пограничной страже Российской империи
(1888—1903 гг.): историко-литературный аспект**
Тезисы доклада.

«Пограничный» период (1888—1903 гг.) в творчестве Ф.Ф. Тютчева стал для него одним из наиболее плодотворных. Он характеризовался настойчивым поиском писателем актуальных тем для сочинительства, формированием индивидуального авторского стиля, отчетливо просматривавшегося в его произведениях. Так, заметным событием в творческой биографии Тютчева стал выход в свет романа «На границе» (1893). Позже литературная общественность тепло приняла сборник повестей и рассказов «На границе». Из пограничной жизни (1899). Смена тематики в сочинительстве писателя Ф.Ф. Тютчева из гражданской жизни на пограничную и военную предопределила его окончательный выбор на жанровое исполнение своих литературных произведений. Тютчев-реалист внедрял в произведения о буднях на границе свой успешный опыт: показ судеб литературных персонажей через их поступки, мысли, переживания, физические страдания. К тому же, он выразительно и точно изображал тяжёлые условия службы пограничников на западных рубежах России, на Кавказе, которые стражи границы успешно преодолевали, проявляя при этом в повседневной службе завидные человеческие качества: выносливость, трудолюбие, терпимость, преданность воинскому долгу. Как итог, в «пограничный» творческий период, занявший пятнадцать лет напряженного литературного труда Тютчевым написаны и изданы романы «Кто прав?». Из одной биографии (1893), «Беглец». Из пограничной жизни (1902), «На скалах и долинах Дагестана». Из времён борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе (1903), повесть «Луч света в пустыне глухой» (1904), рассказы «Герои долга», (1896), «На линии вечных снегов» (1901), «Ушёл» (1901), «Во тьме ночной» (1902), «Голуби» (1903), «Гюрза» (1911), «Казачья могила» (1912), «Кавказский водевиль» (1913) и другие сочинения, вызвавшие большой читательский интерес. Литературная критика отмечала, что произведения Тютчева на пограничную тему характеризуют его, как успешного писателя и талантливого художника слова.

Биография подпоручика Тютчева, как офицера границы, началась с 7-го сентября 1888 года, когда его, состоящего в запасе Аршенской пехоты Высочайшим приказом⁴⁴ определили на службу в Пограничную стражу с

⁴⁴РГВИА Фонд 400. Опись 17. Дело 2953

переименованием в корнеты⁴⁵. Известно, что желанному переводу по службе Фёдору Фёдоровичу помогла протекция⁴⁶ его давнего знакомого по работе в редакции газеты «Свет», активного автора В.В. Крестовского⁴⁷. Отмечая этот факт, Тютчев писал⁴⁸, чтобы стать пограничником, нужно было не только соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к офицеру, но обязательно рассчитывать на поддержку покровителя. О своих впечатлениях от процедуры зачисления в пограничное ведомство, Ф.Ф. Тютчев рассказал в романе «На границе» устами главного персонажа произведения корнета Аркадия Карагина. Тот в кругу товарищей сетовал: «В Пограничную стражу попасть, пожалуй, ещё труднее, чем верблюду в игольное ухо». Аркадий Всеволодович подтверждал, что требовалась сильная протекция, так как на одну вакансию имелось более 300 кандидатов «и с каждым днём поступали всё новые и новые прошения о принятии»⁴⁹.

В конце сентября 1888 года корнет Тютчев прибыл на границу с Пруссией в 14-ю Ченстоховскую пограничную бригаду⁵⁰ субалтерн-офицером⁵¹. Оказавшись в ведомстве во многом сходную порядками в хорошо знакомой ему кавалерии, Ф.Ф. Тютчеву всё же довелось многому учиться, чтобы соответствовать занимаемой должности и со временем рассчитывать на повышение по службе.

Для перехода Тютчева в пограничное ведомство имелось несколько причин. Главное — Фёдор Фёдорович «чувствовал большое призвание»⁵² к военной службе, где требовался твёрдый характер, поэтому никогда не давал себе расслабляться, пасовать перед трудностями. Кроме того, в военной

⁴⁵Корнет – чин младшего офицера в кавалерии.

⁴⁶Дмитриевский, А. И. // Памяти Т. (Эфтэ)//. – «Военный сборник», 1917, № 3 (с использованием «доп. сообщений» вдовы, А.А. Тютчевой).

⁴⁷Крестовский Всеволод Владимирович (1840-1895) – русский поэт и прозаик, литературный критик. Автор знаменитого романа «Петербургские трущобы».

⁴⁸Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

⁴⁹Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

⁵⁰14-я Ченстоховская погранич. бригада – дислокация в городе Ченстохов Петроковской губернии. В структуре Пограничной стражи относилась к 3-му пограничному округу ОКПС (штаб в Варшаве), протяженностью границ 1215 вёрст. Первый командир генерал-майор Франц Карл Рудольф Иванович.

⁵¹Субалтерн-офицер – военнослужащий, стоящий на должности младшего офицера подразделения. Выполнял различные поручения в зависимости от обстановки на границе. Не нес ответственности за личный состав и имущество.

⁵²Некролог // Ж-л «Военный сборник». — СПб., 1916. — № 2. — С. 168—170.

службе ему импонировала известная доля опасности. Всего этого с лихвой хватало в Пограничной страже.

Отдав предпочтение службе в ОКПС, Тютчев хорошо осознавал, что «военная служба по существу своему не подходит для людей слабовольных, неспособных сдерживаться или утративших чувство меры и достоинства»⁵³. Тютчеву импонировало, что государство заботилось об авторитете офицера, его правовом и материальном положении, пенсионном обеспечении. В обществе бытовало мнение, что офицерская служба в ОКПС была одной из самых почётных и более престижной, чем в частях военного ведомства.

И что ещё было немаловажно для нуждающегося в деньгах Тютчева — пограничные офицеры гораздо лучше обеспечивались материально. Значительная часть средств от задержанной контрабанды официально передавалась им на руки. К тому же в ведомстве, относящемся к Министерству финансов, браки офицеров разрешались без возрастных ограничений, что для Тютчева, женатого человека, было актуальным.

Более двух лет младший офицер Тютчев состоял, как говорится, «на подхвате» у руководства, по должностным обязанностям выполняя различные поручения командования. Он охотно вникал во все особенности пограничной службы, зная, что в регионах есть свои отличия. Так, охрана границы на западном участке была организована в две линии в пределах семиверстной пограничной полосы. Отряды и посты первой линии находились непосредственно на границе, вторая линия проходила на расстоянии трёх вёрст от первой. Тютчев, безвылазно находясь на первой линии границы, с присущей ему настойчивостью, познавал тонкости пограничного дела, изучая местность и особенности сложных по рельефу участков вероятного движения нарушителей и контрабандистов.

Офицеру Тютчеву не легко приходилось постигать новые обязанности по службе. В отряде, в числе других важных дел в работе с подчинёнными, он выставлял и проверял посты (кордоны) во главе со старшим из нижних чинов. Тютчев быстро усвоил пограничную науку, активно используя полученные знания в новых сочинениях о границе. Он со знанием дела рассказывал читателям многие нюансы пограничной жизни, ранее неведанные для них. К примеру, местность, находившаяся под охраной одного поста, называлась расходом или разъездом поста (кордона). Она делилась на участки, которые имели порядковые номера и обозначались вехами или столбами с надписью номера каждого. Видами службы были сторожевая и разведывательная.

Первая предусматривала наблюдение и контроль, а вторая — ведение агентурной и войсковой разведки. В сторожевой службе применялись виды нарядов: часовой на границе, секрет, конный разъезд и объезд (патруль), летучий отряд, часовой у таможенной рогатки, дежурный у кордона (поста). Часовые на границе и секреты располагались, в основном, на пути

⁵³Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

вероятного движения нарушителей; разъезды и объезды высылались для получения информации об обстановке на всем участке поста.

Несмотря на то, что для пограничников средняя ежесуточная продолжительность службы была 9-12 часов (при норме 6 часов), офицер Тютчев был занят делами ещё больше, чем его подчиненные. Всё же он выкраивал время для творчества, делал наброски для своих новых сочинений.

В январе 1891 года «по воле начальства»⁵⁴ Ф.Ф. Тютчева перевели в Скулянскую пограничную бригаду⁵⁵, а уже в марте его назначили субалтерн-офицером в Войнештский пограничный отряд⁵⁶. Находясь на переднем крае, постепенно к нему пришёл командирский опыт. Старательного офицера заметило руководство, доверив ему командование Войнештским пограничным отрядом. Далее последовало назначение Тютчева⁵⁷, как наиболее подготовленного офицера, в штаб Скулянской пограничной бригады на должность помощника заведующего учебной частью. В марте 1893 года корнета Тютчева повысили в воинском звании до поручика и перевели субалтерн-офицером на более сложный участок границы в Бранештский пограничный отряд⁵⁸. В сентябре 1893 года командир Скулянской пограничной бригады командировал поручика Ф.Ф. Тютчева в управление начальника Бессарабского таможенного округа, где он временно исполнял дела обер-офицера для поручений⁵⁹.

Серьёзный жизненный выбор, связанный с определением Фёдора Фёдоровича Тютчева в Пограничную стражу, кардинально повлиял на формирование его индивидуального авторского творческого стиля. Писателя Тютчева поглотила увлекательная тема в литературе — жизнь на границе, где военный писатель почерпнул много новых сюжетов, связанных с особенностями несения службы, полной неожиданностей и подчас опасных событий.

⁵⁴РГВИА Фонд 400. Опись 17. Дело 2953

⁵⁵21-я Скулянская погран. бригада – дислокация в городе Скуляны Бессарабской губернии. В структуре Пограничной стражи относилась к 5-му пограничному округу. Первый командир полковник Дмоховский Генрих Казимирович.

⁵⁶Войнештский погран. отряд – дислокация в посёлке Войнештский. Протяжённость участка 21 ¼ версты, нижних чинов – 53, лошадей – 25.

⁵⁷Бранештский погран. отряд – дислокация в посёлке Бранештский. Протяжённость участка 13 1/4 версты, нижних чинов – 52, лошадей – 22.

⁵⁸РГВИА Фонд 2650. Опись 1. Ед. хр. № 10.

⁵⁹Обер-офицер для поручений – младший офицер, помощник командира.

Отдавший тридцать пять лет военной службе⁶⁰, из них — двадцать пять лет в Пограничной страже и сочетая её с активной литературной деятельностью, Фёдор Фёдорович переживал, что уделял мало времени семье и воспитанию детей. Об этом писатель откровенно делился с читателями в своих многочисленных сочинениях. Тема взаимоотношений в семье проходит через всё творчество Тютчева. Она ярко звучит в романе «На границе», который остротой сюжета, его содержанием и действующими персонажами близко перекликается с романом «Кто прав?», можно сказать, является его продолжением.

Название сочинения «На границе» сразу настраивает читателя на рассказ о жизни и событиях, происходящих в подразделениях ОКПС. Автор реалистично, без прикрас, показал читателю как организовывались служба и быт пограничников Российской империи, как, порой, не просто складывались их взаимоотношения, влияющие на результативность службы. Писатель Тютчев в числе первых российских романистов демонстрировал другую сторону жизни пограничников: однообразную, физически и морально тяжёлую, которая тесно переплеталась с чистыми любовными отношениями, а также интригами, предательством и даже скандалами в офицерских семьях. Основу повествования романа «На границе» составляет тот самый треугольник любовно-психологической интриги, который придаёт трагический оттенок описанному сюжету.

Нами проанализировано, что судьба главного героя сочинения корнета Аркадия Карагина, во многом биографична с автором сочинения. Он, как и Фёдор Тютчев, служил в N-ском драгунском, бывшем уланском полку, куда юношей прибыл из одного из военных училищ восемнадцатилетним офицером. Они очень похожи по внешности. Карагин представлен в романе, как самый молодой офицер в полку, «с едва заметным пушком на губе и щеках»⁶¹. Автор наделяет Аркадия Всеволодовича Карагина и некоторыми другими подробностями из своей молодости. Анализируя текст произведения, можно предположить, что в училище сослуживцы дразнили Тютчева, как и Карагина, обидными словами — «корнет-девочка»⁶². Товарищи прозвали юнкера «за его розовое, как у девочки, личико, за его

⁶⁰Полковник Ф.Ф. Тютчев прослужил: 35 лет 1 месяц 9 дней. В том числе, походы — 2 года 9 месяцев 18 дней, отдалённая службы — 1 год 7 месяцев 15 дней. В чинах — 27 лет 5 месяцев 2 дня /штаб-офицером 11 лет 3 месяца 11 дней/

РГВИА. Ф. 2650. Оп. 1. Ед. хр. № 10

⁶¹Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

⁶²Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

большие голубые глаза, а главное, за его способность часто и густо краснеть».

Писатель Тютчев, как человек пытливый, присмотревшись к новым условиям службы и быта в пограничном ведомстве, вскоре утвердился в своих философских взглядах на многие стороны гарнизонной жизни. В произведениях он заостряет внимание читателей на многие вопросы. В том числе основополагающий для пограничников: что же такое государственная граница, которая даёт многим солдатам и офицерам возможность проявить талант, утвердиться в жизни, но, порой, она так ломает людей? Подводя читателя к этой теме, автор уже в начале романа повторяет, как по учебнику, определение: «Границей называется узкая полоска земли, отделяющая одно государство от другого». Писатель Тютчев напоминает, что так приблизительно может ответить любой солдат Пограничной стражи. Но где эта линия пролегает конкретно на местности — Тютчев, как художник слова, показывает границу с натуры: «Левые колёса вашей брички режут русскую землю, а правые уже касаются территории другого государства». Это то, что касается территориального разделения. А вот люди, которые живут на этих территориях, по его убеждению — особенные люди.

Ф.Ф. Тютчев талантливо использует широкую палитру слов русского языка, чтобы показать типичный образ с крепким характером воинов границы, которые всегда следовали девизу: за веру, царя и Отечество. Один из них, не мифический, а реальный герой — бравый усач-пограничник Гременчук «с умным энергичным лицом». Многим, глядя в его «тёмные пронизательные глаза, в его худощавое энергичное смуглое лицо», невольно приходило на ум: «Экий молодчина! Такой контрабандира не прозевает!». Тютчев пишет о стражнике с гордостью: «И, действительно, никто не ловил больше Гременчука». Известно, что не редкость для Пограничной стражи были факты, когда отдельные солдаты получали за задержание контрабанды «сразу наградных денег по 40—50 и больше рублей, а в денежном ящике отряда у Гременчука лежало до трёхсот рублей «собственных», все за поимку контрабанды»⁶³.

Тютчев впервые в русской классической литературе о пограничном деле⁶⁴ вырисовывает образ вахмистра, типичного «служаку», помощника офицера, от которого во многом зависел государственный порядок и успех на порученном участке границы. Об этой категории пограничников автор с

⁶³Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

⁶⁴Кудрявцев, В.К. // Художественная летопись о пограничном деле на Руси : Исторический очерк // КЖИ «Граница». — М. : 1998. — с. 272.

Под пограничным делом понимаются оформление и обустройство пределов Древнерусского государства, складывание, функционирование и развитие адекватной угрозам безопасности Руси и её возможностям сторожевой (пограничной) охраны в её пограничном пространстве.

уважением писал: «Говорят, война рождает героев, так и наша служба рождала нам вахмистров — таких, которые, кажись, пошли в тигровую клетку, они и тех образумят и приведут в христианскую веру». Писатель выражал общее мнение о профессионализме тех пограничников, на которых, как говорили, держалась граница. Автор даёт точную характеристику этой категории стражников, подмечая детали: «Бывало, вахмистр по отряду идёт — у всех поджилки трясутся, потому что всякий понимает, что такого вахмистра не одуришь, не вотрёшь ему очков, он не только каждого солдата знает и видит насквозь, он, как выражались в то время, на сажень вглубь в землю смотрит»⁶⁵.

В романе события разворачиваются на границе с Польшей, Пруссией и Австрией. Говоря об этой местности, писатель точно подмечает, что здесь интеллигенция говорит по-немецки, а простой народ изъясняется на «отчаянном жаргоне, где немецких слов более, чем польских». Проживали вблизи границы в основном трудолюбивые, честные люди, занимаясь земледелием и ремеслом. И как водится, отдельные, «не чистые на руку», местные жители промышляли контрабандой: «В полуторах милях от границы, при въезде в небольшое прусское село стояла старая, полуразвалившаяся корчма, принадлежащая одному еврею. Корчма эта была хорошо известна всем контрабандирам, это был их главный притон». Тютчев, как офицер границы, хорошо изучил жизнь и порядки подобных оплотов контрабандистов. Сюда, как правило, агенты живущих в России купцов свозили свой товар, который разбивали на партии и отсюда переправляли по разным тропинкам в наше Отечество. В подобной же корчме происходили и все расчёты агентов с «проносителями», здесь уплачивался им их заработок, который в большинстве случаев здесь же и пропивался. Стражники знали, что контрабандиры по несколько дней жили в укромных местах, дожидаясь удобного случая проскользнуть через границу и тут их настигали секреты⁶⁶.

Тютчев даёт объяснение, понятное обывателю, о тонкостях организации пограничной и таможенной службы. К примеру, как не просто добывалась ими информация о незаконном пересечении группами границы. Для этого отрядные офицеры задействовали различные каналы. Иногда приходилось использовать даже контрабандиров, как своих доносчиков. Тютчев, характеризуя этих хитрых и опасных людей с помощью персонажа романа старшего офицера Микслюева поучал молодых офицеров бригады: «Один раз с доносом придёт, а три раза сам прошварцует, да и доносы не все бывают верные, иной раз нарочно ложной информацией постарается сбить вас с толку». Случалось, что пограничники караулили по наводке информаторов в одном месте, а они в другом проводили партии. По законам, которыми руководствовались в ОКПС арестовывали только тогда, когда удавалось задержать контрабандиста с поличным. Офицеры ОКПС

⁶⁵Тютчев, Ф.Ф // На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типолит. тва «Свет», 1893. — № 175.

⁶⁶Секрет — вид пограничного наряда, состоящего из 3-6 стражников.

возмущались несправедливыми трактовками действовавшего законодательства: «А пока не поймал я его с контрабандой в руках, не имею права задержать его. Да и поймаешь — невелика для него беда: посидит неделю-другую — выпустят, опять лови; опять посадят на месяц-полтора — опять выпустят, и только после третьего раза можно добиться, чтобы его выслали во внутрь края, за пограничную полосу».

В романе автор живо рисует батальные сцены, когда целые сражения завязывались с контрабандирами. Ещё один колоритный персонаж сочинения полковник ветеран Карл Карлович Шедушев вспоминал: «Стоило им где незаметно проскочить границу и хотя бы на полчаса опередить пограничную стражу, пиши пропало — не угонишь...». Тютчев отмечает, что тактика контрабандистов продумывалась до мелочей. К примеру, в каждой деревне по пути до конечного пункта «у них перепряжка, лошади заготовлены заранее, скинул шлейки с одних, накинул на других, вот и вся запряжка, а там опять скачи до следующей деревни». Кроме того, товары везли не в одиночку, а «обозами, иной раз саней двадцать — двадцать пять и более, и каждый такой обоз провожал конвой: один лошадьми правит, другой сидит к нему спиной с ружьем в руках и посматривает на все стороны. Ружья картечью заряжены, случись погоня, они, недолго думая, залпом, а то вагенбург⁶⁷ устроят».

Автор романа, вопреки мнению ведомственного руководства, не скрывает того, что на границе случалось предательство среди своих военнослужащих. Он показывает, как с целью наживы проводил контрабандистов через кордоны стражников солдат Струм с «бескровным белобрысым лицом чухонца». Продолжительное время шпион умело скрывался, находясь вне подозрений товарищей. В романе справедливо для него настал час расплаты.

Писатель Тютчев, показывая другую не благоприятную сторону жизни на границе, демонстрировал: однообразие службы, особенно в захолустных местечках в стороне от цивилизации. Поиск новых жизненных ощущений заставляют персонажей Тютчева совершать иногда непростительные поступки: дуэли, грабежи сослуживцев, измены в семьях.

Как свидетельствует Тютчев, в семьях офицеров, живущих на границе, случалось разное настроение. Всё зависело от жизненных обстоятельств и ощущений. Особенно тоскливо на душе становилось осенью с её бесконечными дождями, ранними сумерками и холодным пронизывающим ветром. Пограничные посты разбросаны на большом расстоянии и добраться до них, порой, в непогоду было делом проблематичным. По непроходимым дорогам только привычные пограничные кони умудрялись карабкаться. Не смотря на имеющиеся бытовые трудности, тяжёлые природные условия, Тютчев всё же на первое место ставит романтику пограничной службы. Его герои, в основе своей мужественные и бесстрашные люди, вызывают у

⁶⁷Вагенбург — крепость, быстро сооружённая из повозок и др. подруч. средств для отражения атаки наступающего врага.

читателя восторг и уважение своими смелыми поступками и отважными действиями. Писатель ярко и привлекательно описывает, казалось, простые сцены из обыденной службы: «Припав на шею пугливо храпящей лошади, вытянув наотмашь нагайку, мчится Карагин не видя дороги, рискуя каждую минуту упасть и разбиться вдребезги, мчится полным карьером и только чувствует, как тяжело вязнут конские ноги в глинистой грязи, как скользит его добрый конь, как летит из-под копыт целое море брызг, обдавая его холодом с ног до головы. Что-то фантастическое, сказочное и в то же время грозно-торжественное чудится в этой отчаянной, бешеной скачке, среди полного мрака, безмолвной тишины, по размытой, непролазной дороге».

Герои его романа, офицеры-пограничники, не только смелые и бесстрашные люди, преданные интересам своей страны, но отчасти и политики, умеющие соперничать с оппонентом не только «шашкой», но, зачастую, и «острым словом». Сказанное в тексте романа немецкому офицеру поручиком Карагиным удивительно точно перекликается с днём сегодняшним: «...опасаться же России нелепо, мы на каждом шагу доказываем своё миролюбие, ради этого миролюбия принося огромные жертвы, и всё-таки же Европа не верит нам»⁶⁸. Нынешняя Европа, как и прежде, настороженно относится к России — не верит нам, живущим в новой демократической и миролюбивой стране.

В романе, оправдывая свою агрессивность к России, немецкий офицер барон Гаулерц попытался образно представить положение Германии с положением «... человека, живущего в одной пещере со львом».

Аркадий Всеволодович Карагин, почти как опытный дипломат, краток и лаконичен в ответе немецкому пограничнику: «... но вы забываете, что лев хотя и царь зверей, но всё же животное, стало быть, отчасти безрассудное в своих действиях, Россия же государство, состоящее из людей, а не диких животных, которым можно верить, с которыми можно заключить условия, договоры»⁶⁹.

Как никогда творчество Фёдора Фёдоровича Тютчева актуально сейчас, когда граница по-прежнему является чутким барометром взаимоотношений с сопредельными государствами.

На пограничников ОКПС, соприкасавшихся с внешней угрозой со стороны неприятеля, риском для жизни, кроме того, неблагоприятно воздействовало замкнутое общество, отдаленность от цивилизации, малочисленность стражников на пограничных постах — всё это создавало особые отношения между солдатами и офицерами. Надолго оторванные от дома и живущие на окраине государства, они не меньше, чем другие люди хотели любить и быть любимыми, создавать семьи и получать свои человеческие радости. Тревоги и переживания, постоянное ощущение

⁶⁸На границе : Роман из пограничной жизни // Газета «Свет». — СПб. : типо-лит. Т-ва «Свет», 1893. — № 175.

⁶⁹Там же.

опасности, возможная внезапная смерть на службе, которая могла случиться с каждым пограничником, заставляли этих людей особенно остро ценить дружбу, любовь, честность и порядочность. На этом фоне психологические портреты каждого из сослуживцев гарнизона и их взаимоотношения описаны автором романа «На границе» ярко и привлекательно.

В «пограничный» период в творчестве Тютчева появляется герой, который внутренне очень ранимый и уязвимый, внешне прикрывается маской человека грубоватого, иногда даже циничного, много испытавшего и знающего рецепты «правильной» жизни. Эти качества переносятся и на его семейные отношения. Офицеры, привыкшие к отношениям в мужском коллективе, как оказалось, не всегда были готовы к семейной жизни. И если в романе «Кто прав?» его главный герой Чуев, окончив военное училище, женился из чувства соперничества, а затем своим вызывающим поведением свёл жену в могилу, то в романе «На границе», тот же Чуев, появляется в Пограничной страже и, раскаиваясь за прошлое, заканчивает жизнь самоубийством.

Автор в диалоге персонажей романа «На границе» между Туртревой и Карагиным даёт характеристику Чуеву: «...раньше, при жизни жены, это был человек очень весёлого характера, любивший общество, большой балагур и шутник, теперь этому как-то даже не верилось». При сопоставлении фактов, описанных автором, становится очевидным, что портрет Чуева — автобиографичен, как две капли схож с оригиналом, писателем Тютчевым, в деталях и подробностях: «Небольшого роста, сутуловатый, коротко стриженный, с бледным худощавым лицом, обросшим небольшой остроконечной бородкой, корнет Чуев выглядел старше своих лет, и хотя в действительности ему едва исполнилось двадцать восемь, но на вид казалось за тридцать». Последние сомнения в том, что Чуева Тютчев писал с себя улетучиваются после сопоставления характерных деталей: «Серые близорукые глаза его смотрели задумчиво сквозь синие стекла пенсне, с которым Чуев, очень плохо видевший, никогда не расставался. На полураскрытых от хронического насморка губах редко-редко появлялась улыбка, он выглядел всегда озабоченным». Известно, что эти черты принадлежали Тютчеву, о них он упоминает в романе «Кто прав?», рассказе «Три портрета», повести «По жребию», в дневнике (1914 г.), на них указывают и вспоминают сослуживцы и дети Фёдора Фёдоровича Тютчева. Кроме того, автор, характеризуя Чуева, упоминает, что нём по бригаде ходили всевозможные анекдоты. Так, например, про Чуева рассказывали, будто у него была сорока, говорившая: «Пошел к чёрту, скоро умрёшь!». Автор подчеркивает такие детали характера своего литературного героя Чуева, как презрение к смерти и вообще всякой опасности. В экстремальных условиях Тютчев вёл себя похоже. Об этих своих удивительных чертах характера он вспоминает в дневниках, в письмах, рассказывая о своём подвиге в бою вблизи селения Опационки, за что был произведён в Георгиевские кавалеры.

Писатель Тютчев передает устами своего героя Чуева о бытовых трудностях в службе на границе. К примеру, что ему пришлось пережить и в каких невыносимых условиях существовать его семье в отряде «Думбики» Дебешковицкого отряда: «Квартира по контракту арендуется казной у мужика; выстроил он её из гнилых забракованных шпал, затыкал щели мхом, замазал глиной и летом представил комиссии. В жару такая постройка, пожалуй, имеет даже свои достоинства, но когда наступила осень, а за ней зима, пришлось нам туго. От сырости стены отмокли, штукатурка обвалилась, от сырости весь потолок, как в бане, был покрыт влагой, которая по ночам, охлаждаясь, падала в виде дождя... Кругом болота, туман гнил — и вот в такой-то трущобе нас, несмотря на все мои просьбы, выдержали ровно десять месяцев, пока жена не заболела чахоткой — тогда только нас перевели сюда, но было поздно».

По задуманному автором повествованию романа «На границе» дневник, который нашли после смерти Чуева, и стал основой сюжета романа «Кто прав?».

Ещё один герой романа «На границе» молодой человек Туртрев Дмитрий Александрович, большой любитель лошадей и верховой езды, прибыл на службу на границу с красавицей женой Анной Николаевной.

Роман начинается с бессмысленной и жесткой дуэли между Туртревым и его сослуживцем Карагиным. А потом уже разворачивающиеся события показывают, что послужило поводом к дуэли таких разных по духу и убеждениям людей.

Семейные отношения четы Туртревых, в столице казавшиеся им обычными, здесь, на границе, в небольшом обществе крайне обострились. Считая себя вольнодумцем и прогрессивным человеком, Туртрев всегда подшучивал над всем тем, что он называл романтическими отношениями. Он считал, что с женщинами, как и с мужчинами, отношения должны быть на равных, нужно доверять друг другу, верить и помогать, а всякие романтические «бредни» презрительно отвергал. Обделённая вниманием мужа, который постоянно находился на службе, да ещё раздражённая его колкими замечаниями и высказываниями, Анна Николаевна невольно начинает принимать ухаживания офицера Карагина, к которому постепенно привязывается всей душой. Аркадий Всеволодович Карагин — молодой человек, бескомпромиссный, слишком честный и прямолинейный, искренне полюбил Аню и не стеснялся своей любви. Эти романтические отношения его жены с Карагиным, заставили Туртрева вызвать сослуживца на дуэль. В итоге Анна Николаевна остается одна, потеряв и мужа, и близкого друга.

Своим творчеством Тютчев, философствуя о жизни и смерти, предназначении человека на земле, употребляет описание грустных картин, к примеру, похорон, передавая духовное состояние и настроение литературных героев. К примеру, в романе «На границе» застрелившегося «начинающийся разлагающийся труп Чуева» отпевают в небольшой домово́й православной церкви, где «пламя возвышающихся по четырём углам свечей теряется в море ярких солнечных лучей, снопами врывающихся сквозь узенькие, дурно

протёртые окна». Автор обращает внимание читателя на старичка священника «в черной бархатной, порядком потёртой ризе дребезжащим голосом скороговоркой читает молитвы». Присутствует здесь и «хор певчих, составленных из любителей: двух земских стражников, какого-то канцеляриста и трёх солдат пограничной стражи расположенного в городе отряда, под управлением молодого прыщеватого и подслеповатого, но вместе с тем с претензиями на франтовство псаломщика тянет кто в лес, кто по дрова заунывные зауспокойные молитвы». Тлетворный покойнический дух заглушают «волны кадильного дыма прихотливыми клубами расползаются по церкви». Присутствующие на отпевании сослуживцы, как и члены их семей, равнодушны к покойнику, в их лицах нет переживания и траура. Пришли проститься с Чуевым формально, по команде старшего гарнизонного начальника.

Наоборот с чувством искреннего сострадания Тютчев описывал в произведениях похороны солдат и офицеров, убитых на войне ради Отечества. Как подчеркивал автор, скорбная процедура проходила просто, но уважительно по отношению к воинам, героически павшим в бою. Похоронить усопших командиры стремились на родной земле, но, к сожалению, по причине трудностей с транспортом, многие наши соотечественники остались лежать в братских могилах на чужбине. Увиденный Тютчевым «ад, настоящий ад» сопереживает читатель: «Я не мог долго переносить вид страданий и поспешил уйти». Автор описывает важные детали повествования. Так, показанный им лежащий труп офицера не может оставить читателя равнодушным, безучастным к его судьбе. Тютчев, как мужественный патриот, не отвернулся от убитого, хотел запомнить героя, отдавшего свою молодую жизнь ради Отечества, чтобы передать читателю его траурный облик: «Обмытый, одетый в мундир с аксельбантом лежал он, прикрытый своим офицерским пальто поверх наброшенной на лицо простыни. Я попросил солдата откинуть её. На меня глянуло бледное, осунувшееся молодое лицо со страшно припухшими багрово-синими, огромными веками, плотно закрывающими глаза. Над левой бровью виднелась довольно большая дыра, видны были края черепной кости, что-то тёмно-багровое, очевидно мозги. Смерть наступила, очевидно, мгновенно, но лицо сохранило чрезвычайно скорбное выражение, особенно в губах, было что-то особенное, глубоко печальное...»⁷⁰.

Благодаря зарисовкам Тютчева-баталиста читатель представляет многое, что происходило на войне. К примеру, им описано в деталях, как хоронили убитых в бою. Тютчев был свидетелем, как погибших наскоро отпевал полковой священник. Покойников укладывали в длинных общих могилах, рядами: «На нижний слой накладывают слой стеблей гаюляна, а сверху кладут новый ряд покойников. Офицеров кладут рядом с солдатами:

⁷⁰Впечатления очевидца в селении Куатайды после боев 27, 28, 29 сентября : Очерк // Газета «Новое время». — СПб., 1904. — № 10297. — Сентябрь.

вместе шли в бой, вместе лягут в могилу. Над могилою ставят простой деревянный крестик. В одной могиле было похоронено 60 трупов».

У Тютчева в романе о смысле жизни философствуют: офицер, солдат, священник, женщина – жена офицера и другие простые люди. Они, герои сочинений писателя, рассуждают о бытии, о смерти и бессмертии, о цели и смысле жизни, о природе добра и зла, но не о бессилии человека в борьбе с роком.

Писателя Тютчева волнуют многие жизненные аспекты. К примеру, положение женщины в семье, тем более в семье офицера-пограничника. Порой, полностью зависимые от мужа, и не имеющие возможности чем-либо заняться кроме хозяйства и детей, они не могут реализовать свои таланты, утвердиться в других занятиях, кроме семейных обязательств. Фёдор Фёдорович в своих сочинениях выводит отдельные образы красивых женщин-разрушительниц, которые разрушают семьи и уводят женихов (роман «На скалах и долинах Дагестана»), являются причиной ссор в семейной жизни (роман «На границе», повесть «Денщик»), поддерживают интриги в отношениях между офицерами (повесть «По жребию»). В военном гарнизоне, где каждый человек на виду, красивая женщина невольно становится причиной несчастья для окружающих. Писатель обращает внимание на взаимоотношения мужчины и женщины, что, порой, любовные их чувства в небольших военных гарнизонах становятся большим испытанием, которое не все выдерживают.

Жизненные темы, поднятые Ф.Ф. Тютчевым в романе «На границе» злободневны, не утратили своей актуальности. Они по-прежнему волнуют молодых людей, порой, лишённых нормальных бытовых условий, возможности устроиться на работу по специальности, получить образование, что в итоге вызывает разлад в семьях. Писатель с помощью художественного слова даёт возможность нам найти выход в трудную минуту, воспользоваться опытом предыдущих поколений.

В романе Ф.Ф. Тютчева «На границе» в подробностях описана реальная жизнь семей офицеров-пограничников. По прошествии более чем сто лет можно констатировать, что многие традиции, описанные автором и эпизоды из жизни офицерских семей в ОКПС, сохранились и прижились. В этом — дальновидность писателя, его прозорливость, талант обратить внимание читателя на поведение героев сочинений, чтобы проанализировать и скорректировать свои поступки.

**Третьякова Татьяна Анатольевна,
кандидат исторических наук, директор филиала ГКУ Ярославской
области «Государственный архив Ярославской области» в г. Угличе
(Ярославская область).**

Некий воспитанник А.Н. Надоржинской

В части документов, касающихся недвижимости в Мышкинском уезде Ярославской губернии тётки поэта Ф.И. Тютчева – Анастасии Николаевны Надоржинской, упоминается её воспитанник, некий Алексей Неклюдов¹. В социобытовом аспекте воспитанниками в то время могли называть незаконнорожденных детей, сирот, находившихся под опекой определенного лица, или детей из обедневших дворянских родов, опекаемых из чувства сострадания, милосердия или иных побуждений членами дворянских семейств, часто при этом родители опекаемых были живы, малоимущи и многодетны. Часто содержали воспитанников рано овдовевшие дворянки, женщины бездетные по разным обстоятельствам (невозможность рождения ребенка, умершие дети и пр.). Можно только предполагать в силу каких обстоятельств и причин А.Н. Надоржинская имела воспитанника, поскольку комплекс изученных документов пока не позволяет их конкретизировать.

Так кто же он – этот воспитанник? Основным документом, на текущий момент дающим представление об этом человеке, является его формулярный (послужной) список² и некоторые к нему сопутствующие документы. Итак,

Алексей Леонтьевич Неклюдов (по армии числился как Неклюдов 2-й) родился около 1789 года, происходил из российских дворян. Был обучен российской грамоте, читал и писал по-французски. В службу вступил 1 марта 1805 года юнкером в Екатеринославский кирасирский полк. Именно в это время А.Н. Надоржинская особо его опекает. В том же полку 26 мая 1807 года А.Л. Неклюдов произведен в корнеты, имея от роду восемнадцать лет. Старшинство по производству назначено тем же числом. В это же время А.Л. Неклюдов - адъютант шефа Екатеринославского кирасирского полка генерал-майора Н.В. Кретьева³. С 5 июня 1812 года в том же полку произведен в поручики (старшинство с того же числа). Из Екатеринославского кирасирского полка 25 апреля 1814 года поручиком переведен в Лейб-Гвардии Конно-Егерский полк, где за время службы был повышен в чинах, получив 25 ноября 1816 года чин штабс-капитана, 19 мая 1819 года чин капитана и 2 августа 1822 года чин майора с переводом в Чугуевский уланский полк, куда прибыл для службы 6 октября того же года. Будучи в комплекте полка в 1823 году выполнял особое поручение начальства – покупал в Чугуевский уланский полк офицерских и ремонтных строевых лошадей. 23 декабря 1823 года Неклюдов вновь переведен в Екатеринославский кирасирский полк для командования Кадром Военного Поселения (прибыл на место службы 15 ноября 1823 года, ранее чем был подписан Высочайший приказ). Уволен от военной службы за болезнью 24 февраля 1830 года в чине подполковника с правом ношения форменного мундира и с положенным по чину пенсионом (денежным содержанием).

Юность Неклюдова и большая часть его военной карьеры были связаны с эпохой наполеоновских войн. Он – участник многих походов и сражений, в которых проявлял храбрость и отвагу: 1806 год – в походе в Пруссии, где против французов участвовал в сражениях при Новосельске (12 декабря) и при Пултуске (14 декабря); 1807 год - в сражениях при занятии Гутштадта (24 мая), при деревне Анкендорфе (25 мая), при Гейльсберге (29 и 30 мая); с 1809 году с 9 июня по 16 ноября находился в походе в Галиции. В кампанию 1812 года участвовал в действительных сражениях против французских войск под городом Смоленском (4 и 5 августа), под Бородином (24 и 26 августа). Во время Бородинского сражения, будучи адъютантом шефа Екатеринославского кирасирского полка, при всех атаках неприятеля поступал храбро, не страшась сильных пушечных выстрелов⁴. С 1 октября 1812 года и по 1 января 1813 года участвовал в преследовании французских войск при их отступлении к границам России. В 1813 году в походе за границей и участвует в сражениях под городом Люценом (20 апреля), под городом Бауценом (7 и 8 мая), под городом Дрезденом (17 августа) и далее с полком на марше до Рейна, переход через который осуществлялся русскими войсками 22 декабря 1813 года. Переходом через реку Рейн начался поход во Францию. С 20 января по 19 марта 1814 года А.Л.Неклюдов находился во Франции и практически ежедневно участвовал в авангардных делах, стычках и сражениях - под Бар-Сюр-Обом (15 и 16 февраля), при деревне Лабрусель (19 февраля), под городом Труа (20 и 21 февраля), под местечком Велинокс (2 марта), под деревней Сан-Мартен (4, 5 и 7 марта), под городом Арси (Арси – сюр - Об) (9 и 10 марта), при разбитии неприятельских корпусов под местечком Фер – Шампенуазе (13 марта), под местечком Пантен (17 марта) и при взятии города Парижа (18 марта).

Награды А.Л. Неклюдова за отличия в сражениях: орден Св. Владимира 4-й степени с бантом (награжден 19 декабря 1812 года за сражение при Бородине); орден Святой Анны 3-го (затем 4-го) класса (награжден 26 февраля 1814 года за сражение при деревне Лабрусель); орден Св. Анны 2-й степени (награжден 25 июня 1814 года за сражения при Арси, Фер-Шампенуазе и Париже). Неклюдов имел серебряные медали – «В память Отечественной войны 1812 года» и "За взятие Парижа 19 марта 1814 года".

После отставки 24 февраля 1830 года А.Л. Неклюдов уже 3 мая 1831 года определен в Корпус жандармов в том же чине подполковника, который был им получен при увольнении от военной службы, с назначением по должности в Симбирскую губернию. Прибыл к должности 17 июня 1831 года, а уже 19 июня 1831 года по Высочайшему повелению командирован был в Пензенскую губернию в имение графа Разумовского для производства следствия о расстройстве этого имения, следствие окончил «с должным успехом» 18 ноября 1831 года. Вообще, по Корпусу жандармов должность исполнял добросовестно и за отличие по службе 1 января 1833 года Всемиловнейше награжден годовым жалованием в сумме 1200 рублей.

14 февраля 1833 года приказом, отданным по Корпусу жандармов, он переведен в Калужскую губернию (2-й округ), прибыл к должности 15 мая

1833 года и исполнял обязанности по должности до конца 1830-х годов. На должности, как и на прежних местах, проявил себя достойно. Отчеты всегда представлял в срок. Жалобам не подвергался. Слабым в отправлении своих обязанностей по службе замечен не был, и неисправностей или беспорядков между подчиненными не допускал. В неприличном поведении, оглашаем или изобличаем не был⁵.

В калужский период службы Неклюдов получил награды за выслугу лет - орден Св. Георгия 4-й степени (пожалован 3 декабря 1834 года за 25 лет службы в офицерских чинах, орден за № 5018)⁶ и Знак отличия беспорочной службы за XXV лет (пожалован в 1836 г.).

Годы службы сказались на здоровье. Впервые за многие десятилетия 29 апреля 1836 года Неклюдов для излечения болезни вынужден взять краткосрочный отпуск на 28 дней для поездки к Московским искусственным минеральным водам.

11 февраля 1840 года Алексей Леонтьевич Неклюдов назначен (приписан) в соответствии чина по армии по Кавалерии и определен состоять при Московской Комиссариатской Комиссии, где по комиссариатским обязанностям вскоре назначен смотрителем Московского военного госпиталя. От должности смотрителя отчислен 21 сентября 1842 года.

8 июня 1844 года назначен состоять при Министерстве Внутренних Дел с оставлением по Кавалерии с исполнением определенных обязанностей по профилю Министерства. Выбыл из службы к 26 мая 1855 года.

В военной карьере Неклюдова не обошлось без «офицерских шалостей» - проступка, который, впоследствии, повлек за собой разбирательства во II-м Отделении Инспекторского Департамента Военного Министерства в связи с аттестацией к награждению Знаком отличия беспорочной службы. В 1821 году, будучи капитаном Лейб-Гвардии Конно-Егерский полка, по Высочайшему (Императорскому) повелению он был арестован на три дня. Арест расценивался как штраф за неподобающее офицеру поведение. Причина ареста – участие в азартной карточной игре. Азартные карточные игры в России были под запретом. В 1834 году выслуга лет позволяла Неклюдову аттестоваться на получение Знака отличия беспорочной службы, но в его формулярном списке был отмечен арест 1821 года, что являлось препятствием к аттестации. В 1834 году вопрос решился в пользу Неклюдова то ли неким покровительством, то ли расположением к нему начальства, а именно, во II-м отделении Инспекторского департамента Военного министерства велось дело об исключении штрафа из формулярного списка Корпуса Жандармов подполковника Неклюдова (дело начато 22 марта, окончено 7 апреля 1834 года). Предысторией к делу послужил рапорт шефа Корпуса Жандармов, командующего Императорской Главной Квартирой генерал-адъютанта графа А.Х. Бенкендорфа военному министру генерал-адъютанту и орденскому Кавалеру графу А.И. Чернышеву от 18 марта 1834 года. Граф А.Х. Бенкендорф писал: «Вверенного мне Корпуса Жандармов Подполковник Неклюдов 1821 году имел несчастье подвергнуться по Высочайшему повелению трехдневному аресту за

соучастие в азартной карточной игре. Штраф сей, по повелению Вашего Сиятельства, будучи внесен в формулярный список, препятствует ныне ему к получению знака отличия беспорочной службы. Приемля в уважение усердную службу Подполковника Неклюдова, коею отличается он во все время настоящего служения, и как Неклюдов не участвовал, и был только свидетелем сей игры, ибо сам не играет и никогда не играл в карты, я обязываюсь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не оставить милостивым ходатайством Вашим, дабы упомянутый наложенный на господина Неклюдова штраф, не был препятствием к награде его знаком отличия беспорочной службы; на каковой предмет имею честь представить при сем и формулярный о службе его список»⁷. На рапорт графа А.Х. Бенкендорфа последовало решение, изложенное в отношении Инспекторского департамента Военного министерства на его имя за подписью военного министра графа А.И. Чернышева и дежурного генерала Главного штаба графа П.А. Клейнмихеля от 6 апреля 1834 года за № 2410, где указывалось: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Императорскому Величеству отношения Вашего Сиятельства от 18 марта № 444, Высочайше повелеть соизволил, показываемый по формулярному списку Корпуса Жандармов Подполковника Неклюдова штраф, заключающийся в трехдневном аресте, которому подвергся он в 1821-м году по Высочайшему повелению за участие в азартной картежной игре – уничтожить. О таковом Монаршем повелении я имею честь сообщить Вашему Сиятельству к зависящему исполнению»⁸.

Алексей Леонтьевич Неклюдов женат был единственным браком на девице Анне Александровне Лопатиной, дочери отставного капитана. Имел дочерей Анастасию (около 1820 г.р.), Елизавету (около 1821 г.р.) и сына Василия (около 1831 г.р.).

По формулярному списку А.Л. Неклюдова значилось, что недвижимости (имений, крепостных крестьян и дворовых) за ним не имелось, но как следует из документов, касающихся недвижимости А.Н. Надоржинской, у него была усадьба с домом и хозяйством то ли в Калужской губернии, то ли в Орловской губернии⁹, но уточнить точное расположение имения по указанным документам затруднительно, так как сведения в документах неточны, упоминается Калужская губерния, а уезд указан Орловской губернии, и наоборот.

Дата смерти и место погребения А.Л. Неклюдова, судьба его семейства, детей и потомков, история родовой недвижимости на данный момент, не установлены, но перспектива поиска имеется, и, возможно, исследования ближайшего времени дополнят биографические сведения о воспитаннике Анастасии Николаевны Надоржинской, родной тётки по отцу поэта Фёдора Ивановича Тютчева.

Примечания

¹ См., например: Филиал ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в городе Угличе (УгФ ГАЯО). Ф.92. Оп.1. Д.1765.

² См., например: Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.395. Оп.89. Д. 759.

³ Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородине: Сборник документов / Отв. ред. И.О. Гаркуша. М.: Древлехранилище, 2012. С.127, 151, 576.

⁴ Там же. С.151, 241.

⁵ РГВИА. Ф.395. Оп.89. Д. 759.

⁶ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769 – 1920: Биобиблиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.: Русский миръ, 2004. С.265; Неклюдов, Алексей Леонтьевич / <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/482941> (дата обращения: 07.01.2018)

⁷ РГВИА. Ф.395. Оп.89. Д. 759.

⁸ Там же.

⁹ УгФ ГАЯО. Ф.92. Оп.1. Д.1765.

Нифагина Наталья Николаевна,
кандидат филологических наук, специалист по связям с
общественностью Брянского государственного инженерно-
технологического университета
(Брянск)

НЕУСТАШИМЫЙ ОФИЦЕР РОССИЙСКОГО ФЛОТА

В книге Владимира Шигина «Герои русского броненосца», глава «Этот неистовый Бирилев» начинается с воспоминания современника: «Каждый вечер безумец точил свою издававшую виды саблю, а когда смеркалось, надевал мундир, фуражку и бесшумно спускался в сад. Далеко в глубине зарослей под лунным светом угадывался поросший чертополохом холм. Туда крадучись он и пробирался. Когда же до холма оставалось несколько десятков метров, безумец вытаскивал саблю и с криком “За мной ребята!” бросался вперед, безжалостно кромсая налево и направо заросли бурьяна. Слыша этот боевой клич, дворовые крестьяне привычно крестились – никак “наш” снова на бастион воевать пошел. Устав от атаки, безумец приходил в себя, а потом также бесшумно возвращался в дом. Разоружившись, он долго смотрел на висевший на стене портрет улыбающейся молодой женщины, и скупые слезы текли по его впалым щекам» [8.С.6].

Кто же этот неистовый Бирилев?

Бирилев Николай Алексеевич (Бирюлев) родился 9 декабря 1829 года в сельце Бирилево Тверской губернии, Калязинского уезда. Отец мелкопоместный дворянин Алексей Иванович Бирюлев, мать Степанида Ивановна. Хозяйство было небогатое, жили скромно. Мальчиков в семье было трое: Николай, Алексей и Михаил. Самой младшей была сестра Анна. Когда пришла пора определять детей на учебу, а связей в столицах не было никаких, то их отдали в Морской корпус. Все в будущем стали морскими офицерами.

В августе 1847 году, Николай Бирилев, выпущенный мичманом из Морского кадетского корпуса в Черноморский флот, до 1851 г. на разных судах крейсировал у восточного берега Черного моря. Особенно доставалось в осенне-зимних крейсерствах кавказского побережья, где наши суда сторожили контрабандистов.

Характер у Николая Алексеевича был непоседливый, поэтому в его послужном списке меняются только названия судов: фрегат «Кагул», линейный корабль «Селафаил», пароход «Боец», пароход «Эльборус», корвет «Пилад» и пр. Он считал, что не стоит киснуть в гавани, когда вокруг происходит столько интересного.

В апреле 1853 года Бирилева произвели в лейтенанты. Своей храбростью и отвагой он понравился контр-адмиралу Панфилову и тот взял его к себе флаг-офицером. Всю весну и лето вместе с Панфиловым Бирилев менял корабли. С объявлением войны с Турцией хлопот прибавилось. Затем началась блокада эскадрой Нахимова турецкой эскадры в Синопе и знаменитый бой с турецким пароходом «Парваз Бахри». Бирилеву было велено возглавить abordажную

команду «Крыма». С саблей на боку и двумя пистолетами за поясом, лейтенант расхаживал по палубе парохода, надеясь, что и сегодня ему выпадет шанс отличиться. При своей импозантной внешности, фуражка на затылке, на лбу пышный чуб, воротник шинели поднят, на шинели белый Георгиевский крест, а на боку кривая турецкая сабля, он никого не боялся, говорил, что думал, невзирая на чины и звания и был уважаем матросами. Когда Н.А. Бирилев принял команду над броненосным крейсером «Александр Невский», считали, что «... то, что на замену прислан сам Бирилев – награда немногим меньше самого Георгия! Значит, правильным кораблем новый «Невский» получился. Достойным одного из лучших капитанов. Служить под началом Николая Алексеевича точно будет не скучно!»[2. С.292].

За Синопское сражение Бирилев по представлению Нахимова был награжден орденом Святой Анны 3-ей степени с бантом, за то, что находясь при контр-адмирале Панфилове «с отличным присутствием духа и точностью» исполнял его приказания. Его назначили адъютантом командира 1-ой бригады, 4-ой флотской дивизии контр-адмирала Панфилова. Это было значительное повышение. Затем последовало назначение старшим офицером на линейный корабль «Ягудиил», но Бирилев выпросил у Нахимова отправиться в Севастополь

где был назначен заведующим аванпостами против бастиона № 3. В его послужном списке написано: «Поступил в состав Севастопольского гарнизона с назначением заведовать аванпостами против бастиона № 3 21 сентября 1854 года» [6. С.49].

О вылазках Бирилева и его охотников ходили легенды. «Во всю осаду Севастополя, заведую цепью охотников, постоянно по ночам тревожил неприятельские аванпосты вылазками, между которыми были наиболее замечательны: с 19 на 20 декабря командовал ночною вылазкою против горы Резня, где французы начали укрепляться; отбив у них ретраншаменты, разрушил их и взял в плен шесть человек рядовых. В ночь с 19 на 20 января имея 275 человек охотников и 80 человек рабочих, командовал вылазкою против той же горы, укрепленной французами. В ночь с 10 на 11 марта, имея под командою 750 человек охотников и три роты Охотского егерского полка в резерве, составлял правый фланг большой вылазки с Малахова кургана, под главною командою генерал-лейтенанта Хрулева; атаковал Зеленую гору, занял всю правую параллель, со всеми ее батареями, заклепав восемь 36-ти ф. пушек-карронад, и срыл до основания батарею в 10 орудий, причем взял в плен начальника инженерных работ, 1 офицера и 25 рядовых» [7. С.235-236]. Особую ценность представляли 500 штук лопат, которые он захватил при отступлении. Эти лопаты во время Крымской войны очень ценились в Севастополе. Они позволяли вести активную минную войну. За эту вылазку награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость».

Его отличала отчаянная храбрость и везение. Когда он попал под бомбардировку, в гарнизоне из 22 орудий осталось два. Потери в людях исчислялись сотнями, но все вылазки Николая Алексеевича были дерзкими и удачными. Не сразу, а постепенно под его началом сформировался отряд самых

отчаянных храбрецов, тех, кому и сам черт не брат. Вскоре о Бирилеве и его сорванцах уже заговорили в гарнизоне. Почти каждую ночь – бой, почти каждую ночь – победа. И во главе этой отчаянной братии сам Бирилев. Походная кавалерственная дума ордена св. Георгия во главе с П.С. Нахимовым признала лейтенанта Бирилева достойным ордена св. Георгия. Он был также удостоен ордена св. Владимира с мечами. В приказе № 316 отмечается, что «Кавалерственная Дума, сообразив таковые подвиги лейтенанта Бирюлева с статусом военного ордена великомученика и победоносца Георгия, признает его, Бирюлева, достойным награждения ордена Св. Георгия 4-ой степени, на основании статьи 10 пункта 2 и 15» [9].

Впоследствии Николай Алексеевич еще не раз отличался в вылазках, был награжден орденом Св. Анны 2-ой ст. Император Николай, по получении донесения князя Мышкина об очередной вылазке лейтенанта Бирилева произвел его в капитан-лейтенанты и назначил своим флигель-адъютантом.

26 марта 1855 года Николай Алексеевич был послан курьером к императору Александру II с письмами от князя Горчакова М.Д. «Редко хозяину земли русской удавалось обрести хорошее настроение, но письмо из военного Крыма несколько утешило его. Да к тому же офицер-фронтовик произвел впечатление на государя, его остроумные и красноречивые рассказы о жизни в осажденном Севастополе разряжали дворцовую обстановку, приближенные к царской особе смотрели на Бирилева, как на героя. Он таким и был», – вспоминают современники [3. С.34].

Один из французских офицеров с уважением писал: «Ночные стычки происходят под руководством Бирилева, он действительно выказывает храбрость и неустранимость выше всякой похвалы; вот почему, несмотря на весь вред, который он нам наносит, он пользуется большим уважением между всеми французскими офицерами и даже солдатами. Если мне случилось встретиться с Бирилевым в траншее, я бы желал вступить с ним в смертельный бой один на один, но если я встречу вне поля брани, то пожму ему руку» [6. С.26].

Вернувшись в бастион, во время подготовки новой вылазки с 5-го бастиона на кладбищенскую высоту при рекогносцировке Бирилев был тяжело контужен пулей в голову. Хирург Пирогов рекомендовал лечиться в Германии в Висбадене. Лечение было долгим и трудным. Немецкие врачи никаких гарантий не давали. Диагноз: травматическая эпилепсия.

После лечения Бирилев поспешил в Москву, где было чествование героев Севастополя, а оттуда отправился в Петербург, где его назначили на яхту «Королева Виктория». Служба на яхте его не устраивала, и он был определен старшим офицером корабля «Выборг».

К тому времени в России назрела необходимость дальних плаваний судов российского флота и Бирилев добивается своего перевода на один из корветов, готовящихся к дальнему плаванию. Из воспоминаний историка А. Беломора видим, что тихоходные корветы в то время были: «действительными боевыми единицами». Известный храбрец Бирилев у матросов «Посадника» пользовался непререкаемым авторитетом. В кругосветном плавании Бирилев оказался впервые, но его энергичный характер и здесь пригодился. Побывал в Китае и Японии. Под Нагасаки служба корвета стала устраиваться основательно.

Построили береговую базу в деревне Инаса и даже небольшой сухарный завод, заодно дом для офицеров и хорошую баню.

В 1861 г. произошел инцидент, связанный с пребыванием в Цусиме русского военного корабля. Корвет, «Посадник» которым командовал Николай Алексеевич Бирилев, во время плавания получил повреждение, и капитан решил произвести его ремонт. Княжество Цусима разрешило провести эти работы и даже снабдили экипаж овощами и рыбой. Закончив ремонт «Посадник» покинул бухту Осаки-ура, зашел в Имосаки и стал на якорь. Экипаж приступил к строительству казармы, и по всему было видно, что они готовились к длительному расквартированию. По прибытию в Цусиму Бирилев заявил, что он хотел бы вручить главе княжества послание русского императора в связи с готовящимся нападением англичан и обязательно встретиться с ним. Встреча состоялась, но японцы обеспокоились присутствием на острове иностранцев. Прибывший уполномоченный вежливо потребовал ухода русских, но Бирилев отклонил требование и заявил, что «без приказа начальства из Цусимы ни за что не уйдет». Он предложил японским властям взять этот участок земли в аренду. Это было его самоуправство. Русское правительство желало лишь охранять Цусиму от честолюбивых замыслов Англии. 7 сентября Бирилев на «Посаднике» покинул Цусиму, провожаемый на лодках многочисленными должностными лицами. На этом инцидент был исчерпан.

Младшая сестра Бирилева Анна училась в Смольном институте. Её близкой подругой была Мария Тютчева. Когда началась оборона Севастополя и газеты стали публиковать описание подвигов старшего брата Анны, подруги запоем читали эти статьи: первая с гордостью, вторая – с восхищением. В газетах писали: «Велики были подвиги храбрости и самоотвержения, совершенные на вылазках защитниками Севастополя. Они были все храбры: каждый офицер был Бирилев, каждый из рядовых Шевченко. Да будут же примером грядущим поколениям Русского народа известные и неизвестные герои славной Севастопольской обороны, пока перед лицом мира красуется великая, могучая Россия» [6. С.6]. В Севастопольскую гавань эскадра входила при огромном стечении народа и несмолкаемых криках «ура».

Именно тогда Бирилев стал для юной романтической Мари идеалом рыцаря без страха и упрека, идеалом настоящего мужчины-героя. В те дни Анна познакомила брата со своей подругой. Встреча Николая и Марии была короткой, но именно тогда зародилась взаимная любовь.

Затем была долгая переписка. Машины письма, перечитанные десятки раз, лежали в секретере командира «Посадника» рядом с секретными документами. Письма Бирилева Мария хранила в специальной коробке, перевитой алой лентой.

В книге Шигина «Герои русского броненосного флота», есть такие строки.

«– Чем занимается ваша сестра Мари? – спрашивала свою фрейлину Анну Тютчеву императрица Александра.

– Она безнадежно влюблена во флигель-адъютанта Бирилева, – отвечала та.

– О, это была бы прекрасная пара! Как вы полагаете? – улыбнулась императрица» [8. С.12].

Но в воспоминаниях Петра Николаевича Дурново, мы видим Николая Алексеевича в другом свете: «Флигель-адъютант Бирилев, Севастопольский герой, был добрый человек, но без всякого воспитания и образования и, несмотря на свою доказанную храбрость, был самый пошлый человек. К несчастью М.Ф. Тютчева (младшая дочь поэта, девица умная, образованная, очень милая и с такой возвышенной натурой) влюбилась в него. Самая его пошлость принималась ею за простоту и прямоту храбреца, и даже полная невоспитанность Бирилева ей нравилась, принимаемая как противоположность с банальным лоском светских кавалеров; со мной была очень коротко знакома, почти дружила, и она мне высказала о своем чувстве и о желании выйти за него замуж. Хотя я, зная Бирилева с Морского корпуса, где мы одновременно были кадетами (он вышел двумя годами раньше меня), не делал себе никаких иллюзий на его счет, но все-таки считал его добрым и честным человеком, полагал, что он будет хорошим мужем и, что раз он нравится Марии Федоровне, так это дело вкуса, то нет причины не исполнить ее желания и не дать ему совета искать ее руки. Я это и сделал. Анна Федоровна тоже этому сочувствовала, вероятно, смотря на Бирилева сквозь призму его геройства в Севастополе. Но отец Тютчев был сильно против этого брака и даже раз (я не могу вспомнить безтяжелого чувствасожаления и некоторогодаже угрызения совести), он утром пришел ко мне и просил меня повлиять на дочь его против этого брака и постараться, чтобы он не состоялся. Но я в ослеплении думал, что он ошибался в Бирилеве и что его неодобрительное о нем мнение основано на том, что его коробило слышать, как Бирилев ужасно говорит по-французски. «Он не говорит двух слов, за которые не надо бы краснеть. Это, может быть, лев, но, во всяком случае, это не орел». Причем же всякие доводы Марии Федоровне против этого брака с Бирилевым ни к чему не привели; она была в него влюблена и решила выйти за него замуж» [1. С.71].

Тютчев и его жена были недовольны этим браком. Федор Иванович считал, что если бы он не приехал в Ниццу, то «не было бы этого странного, дикого, ничем не объяснимого сближения моей дочери с теперешним ее мужем. – Что она нашла в нем? Он просто идиот – особенно к вечеру, – мозг его заметно потрясен контузией. Конечно, моя дочь любит его, но любит как дитя, за которым она должна ухаживать. Я не хотел этого брака, но впуталась императрица и дочь моя – Анна, – разумеется, из желания какого-то отвлеченного – помочь влюбленному герою, – тогда как всем это казалось просто непостижимым. Будет ли моя бедная Мару счастлива! Умственная несостоятельность Бирилева и жену мою сокрушает» [3. С.364].

В переписке между Анной и Екатериной Тютчевыми свозит осуждение родителей и желание видеть Марию счастливой: «Они оба – мамá в особенности – глубоко уязвлены в своем светском тщеславии и утверждают, что он дурак, что Мари покроет себя стыдом, решившись на это замужество. <...> И наконец, главное – Мари его любит...» [3. С.364], – писала Анна Екатерине 10/22 января 1865 г.

«Мари любит его за добросердечие и бесхитростность, – писала Дарья сестре Екатерине 10/22 января 1865 г. и тут же сообщала, – Вчера он сделал ей

предложение. Она дала согласие. Мамá в отчаянии, папá тоже не одобряет этого решения, но они не сказали ни слова против»[3. С.364-365].

Анна сообщаетсестре Екатерине из Ниццы от 12/24 января 1865 года, что вечером к ней явился озадаченный Бирилев со словами: «Помилуйте, вчера меня благословили, а сегодня мне говорят, что мать умрет, если Мария Федоровна выйдет за меня. Ведь эти вещи делаются тихо, свято, с молитвою, а тут шум какой поднялся» [3. С.366].

Со временем Тютчевы почти примирились с этим браком и Эрнестина Федоровна 3/15 июня 1865 года пишет Дарье из Петербурга: «Бирилев <...> кажется, очень влюблен в свою жену, но она влюблена в него еще более, это несомненно. Любовь ее не перестает изумлять нас всех – меня, папá и даже мальчиков» [3. С.374]. Несмотря на свое отрицательное отношение к зятю Тютчев иногда гордился своим родством с Бирилевыми, дружил с его умной и образованной сестрой Анной Благово.

12/24 января 1865 года в русской церкви в Ницце Мария Тютчеваобвенчалась с Николаем Бирилевым. 30 января 1866 года у них родилась дочь Мария. Тютчев писал М.А. Георгиевской в Москву: «В прошлое воскресенье, т.е. 30 января, Мария Бирилева в 7 часов вечера родила дочь и, кажется, благополучно. По крайней мере, до сих пор состояние ее удовлетворительно, но сегодня еще только третий день, я знаю по опыту, как в подобных случаях следует остерегаться слишком рано торжествовать победу. Что усилило тревогу неразлучную с таким происшествием, это то, что за два дня до этого бедный Бирилев испытал весьма неожиданно два довольно сильных припадка, свидетельствующие о неослабном, вопреки всем лекарствам, продолжении болезни. Теперь он опять поправился и возвратился, по-видимому, в свое прежнее положение, но повторение припадков без всякой осязаемой причины все-таки не отрадно» [4. С.196].

17 марта этого же года состоялись крестины новорожденной внучки Тютчева. Крестным отцом Марии Николаевны стал сам император Александр II, но 2 мая 1867года годовалая девочка умерла от дифтерита. Бирилев впал в тяжелую депрессию, от которой не смог оправиться до самой смерти. Вследствие контузии к нему вернулась травматическая эпилепсия, которую не удалось излечить, а в 1868 году эпилепсия перешла в прогрессирующее слабоумие.

Екатерина Тютчева в письме к сестре Дарье описывает состояние Марии: «... на бедную Мари больно смотреть. Она исхудала, измождена, кашляет, и все ее существо исполнено мрачным унынием, хотя ни в словах, ни в каких-либо внешних проявлениях оно не выражается. <...> Бирилев очень потолстел, а слабоумие его еще усилилось» [3. С.396].

Мария Бирилева, чтобы заглушить боль от смерти дочери в 1870 г. стала сестрой милосердия в Георгиевской общине, а через год открыла сельскую школу, первую в Брянском уезде. Это было двухклассное училище с пятилетним сроком обучения. В школе учились дети крестьян. При школе была библиотека. К сожалению, большая нагрузка, которую она взвалила на свои плечи, не принесла ей здоровья. В 1872 году Мария Федоровна умерла от чахотки в Рейхенгалле и погребена в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря.

Бирилев вышел в отставку в 1872 г. с производством в контр-адмиралы. Во время службы награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Владимира IV степени с мечами и золотым оружием, Св. Анны II степени с мечами и императорской короной, Св. Анны III степени с бантом.

Николай Алексеевич умер 5 июня 1882 года в Петербурге и похоронен на Новодевичьем кладбище. В его честь назван остров Бирилева (Тэгудо) [5.С.41]. в Японском море, п-ов Корея.

Литература

1. Бородин А. Петр Николаевич Дурново. Русский Ностардамус. М.: Litres. 2017. С. 71.
2. Владимир Коваленко. Против ветра. Андреевские флаги над Америкой. (Русские против янки). М.: «ЯУЗА», «ЭКСМО». 2011.
3. Литературное наследство. Кн.2. М.: Наука. 1988. С. 372-373
4. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн.3 1861-1873. М.: Индирик. 2012.
5. Масленников Б. Морская карта рассказывает. Изд. 2-ое переработ. И доп./ под ред. Героя СССР адмирала флота Н.И. Смирнова. М.: Военное изд-во. 1986.
6. Морской сборник. № 3, 5. 1855.
7. Общий морской список. Часть IX. Царствование Николая I. (А-Г) СПб, 1897.
8. Шигин В. Герои русского броненосца. М.: ВЕЧЕ. 2012.
9. ЦГА ВМФ, Ф.920, оп.11, д.21, л. 44.

Романов Борис Михайлович
научный сотрудник ФГБУК «Государственный историко-
культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита»
(Смоленская область).

Хозяйственные хлопоты помещика русского Нечерноземья в 1830–1850-е годы

Обычно образ усадьбы обладает романтическим ореолом: представляется утопающий в зелени усадебный дом, красивый парк, пруды, беседки и мостики, церковь на холме... Усадебное хозяйство с его проблемами остается вне зоны внимания, в то время как именно эти хозяйственные хлопоты служили основой усадебного мира. Известные поэты и писатели, композиторы и художники, ставшие классиками русской культуры, были помещиками центральной России, ее нечерноземной полосы. К их числу относится и Ф.И. Тютчев, чьеродовое имение Овстуг располагалось в Брянском уезде Орловской губернии. Федор Иванович постоянно не жил в Овстуге, в 40-50 гг. XIX века он на короткое время приезжал сюда не как хозяин, а как гостьⁱ. Но можно предположить, что от него, как человека, пусть и далекого от хозяйственных забот, но внимательного и думающего, к тому же, имеющего материальные затруднения, не ускользнули изменения, которые в эти годы происходили в помещичьих имениях.

В 30–50-е гг. XIX века помещичье хозяйство претерпевает значительные перемены, связанные с возрастанием темпов внедрения сельскохозяйственных новаций, усовершенствованием действовавших предприятий и организацией новых производств. Причины этих перемен кроются в развитии товарно-денежных отношений, формировавших новую макроэкономическую среду, которая задавала иные правила и направления деятельности. Почерпнуть ценную информацию о состоянии помещичьих хозяйств возможно из документов вотчинного делопроизводства (приходно-расходных книг, описей имений и имущества, счетов и квитанций, инструкций землевладельцев своим управляющим и др.), а также из материалов личного происхождения (дневников, писем, воспоминаний)ⁱⁱ.

Прежде всего, стоит обратить внимание на привычные проблемы, волновавшие землевладельцев нечерноземной полосы России. Это частые неурожаи, вследствие низкого естественного плодородия почв и неблагоприятных природно-климатических условий. Примером может служить Смоленская губерния, где на период с 1800 по 1855 г. приходилось 17 неурожаев и более 12 лет со скудными урожаямиⁱⁱⁱ. При этом помещики должны были заботиться и о пропитании своих крепостных, традиционно занимались благотворительностью. Так, известно, что в 1834 г. в Смоленске под руководством предводителя дворянства С.Ю. Храповицкого разыгрывалась благотворительная лотерея в пользу бедных, участниками которой были смоленские дворяне Колечицкие – ближайшие соседи А.Ф.

Грибоедова, дяди автора «Горя от ума» и владельца Хмелиты Вяземского уезда. Призы составляли предметы рукоделия, выполненные дворянками^{iv}.

Основу традиционного уклада русского Нечерноземья составлял сельскохозяйственный календарь. Попытку обобщить народный опыт и прокомментировать его предпринял смоленский помещик, владелец имения Кошино Смоленского уезда Смоленской губернии Владимир Степанович Храповицкий, опубликовавший в 1844 г. в Москве «Хозяйственный календарь». В фонде Оболенских в Государственном архиве Смоленской области хранится рукопись «Хозяйственного календаря» Храповицкого^v. В настоящее время его оценивают, как «своеобразную энциклопедию по сельскому хозяйству» своего времени^{vi}.

Несоблюдение аграрных традиций по той или иной причине приводило к серьезным сельскохозяйственным убыткам. Например, «Хозяйственный календарь» В.С. Храповицкого предписывал почву под яровые начинать готовить весной: «лучше начать пахать с водою, нежели с травой»^{vii}. В 1843 году помещик Духовщинского уезда С. Кусаков писал о бедственном положении многих имений Смоленской губернии, обусловленное тем, что в этих имениях весенние работы начинались с большим опозданием^{viii}.

Высокого урожая в условиях Нечерноземья можно было добиться только при тщательной обработке полей и значительном количестве удобрения. Например, с 1833 по 1841 г. на образцовом поле площадью 13 десятин в имении Алексиановка Гжатского уезда Смоленской губернии князя Павла Алексеевича Голицына, проводились опыты над посевом ржи и ячменя. Все поле удобрялось «хорошего качества навозом, приготовленным в теплых хлевах каменного скотного двора...». На каждую десятину земли клалось по 150 двадцатипудовых возов. В результате урожаи хлебов за девятилетний период составили: ржи в 1833 г. – сам $7^{1/4}$, в 1836 г. – сам $12^{1/5}$, в 1839 г. – сам $17^{2/3}$, соответственно, ячменя в 1834 г. – сам $8^{2/3}$, в 1837 г. – сам $10^{1/2}$, в 1840 г. – сам 14^{ix} .

В 30–50-е гг. XIX века постепенно растает спрос на молотилки, веялки, сеялки и сортировки^x, что давало возможность получить большее количество урожая, нежели при использовании традиционных орудий труда. В описи имения Дугино умершего действительного статского советника и кавалера графа Александра Никитича Панина составленной в 1850 г. указано, что в нем находилось 4 деревянных сарая для молотильных машин с конными приводами^{xi}. Новая сельскохозяйственная техника была непривычна для крестьян и часто ломалась, что требовало постоянного вмешательства помещика. Информация о её починке отражается в приходно-расходных книгах имений. Например, в приходно-расходных книгах смоленских князей Урусовых только за один 1860 г. содержатся как минимум три упоминания о починке: «Машина жестяная для (неразборчиво)», «фонарь для молотильной машины – 1», «прибор сит и решот для одной ручной веялки»^{xii}.

Развитию животноводства в Нечерноземье не способствовали короткое лето и холодная, продолжительная зима. Каждый помещик в конце сельскохозяйственного года подчитывал количество заготовленного на зиму

корма^{xiii}. Так, Сергей Николаевич Глинка вспоминал: «Как теперь помню дядю моего, когда в первый раз встретился я с ним на лугу обширном и усеянном, и уставленном душистыми копнами. Величавый ростом, он в домодельном халате, мирными шагами обходил поле и как будто глазами взвешивал каждую копну. За ним следовал дюжий приказчик и зарубал на бирке число копен (в копне 3 пуда – *Б.Р.*)»^{xiv}. Определив количество корма, помещик, приступал к его распределению на период стойлового содержания скота, который в нечерноземных губерниях страны продолжался до 210 суток, то есть был необычайно большим^{xv}. Для этого необходимо было знать количество скота и вес каждого животного^{xvi}. Согласно данным Буссенго и Пабста, средняя суточная норма содержания скота в первой половине XIX века составляла для лошади 35 фунтов сена и овса (фунт равен 409,5 грамм), для коровы 18 фунтов сена. С учетом подстилки эти показатели увеличивались на 10 фунтов, соответственно, для лошади 45 фунтов, для коровы 28 фунтов в сутки^{xvii}.

Небрежный уход за животными часто становился причиной их болезней и падежа. Только в течение 1845 г. в 47 губерниях России чума уничтожила скота на сумму до 15 млн. руб. серебром, а ежегодный ущерб от этого заболевания достигал 10 млн. рублей^{xviii}.

Хорошее содержание скота могло дать хорошие результаты. Не случайно, помещик Алексинского Дорогобужского уезда Смоленской губернии Андрей Иванович Барышников в своей инструкции 1845 г. управляющему Дмитрию Кирилову предусматривал меры поощрения для обслуживающего стада персонала: «Советую тебе особенно обратить внимание на скотников и скотниц и за хорошее содержание скота скоп (накопление продуктов переработки молока – *Б.Р.*) масла и телят всегда платить им и платить щедро чтобы они видели свои выгоды». При выборе человека на должность скотника или скотницы управляющий должен был руководствоваться следующим принципом: «...поручаю тебе никак не определять в скотники и скотницы людей таких которые в своем доме были ненадежны, а напротив тех выбирать людей всегда самых лучших в скотники ибо хороший староста и столько же хороший скотник суть основание всего хозяйства»^{xix}. Подчеркивание значения «надежности» скотников, то есть их ответственного отношения к своим обязанностям, связано с негативной традицией плохого ухода за господским скотом.

В 30–50-е гг. XIX века помещики русского Нечерноземья стали уделять много времени усовершенствованию действовавших предприятий и развитию новых производств. Например, в вышеупомянутой инструкции А. Барышников поставил целый ряд вопросов перед управляющим, связанных с усовершенствованием бумажной фабрики, основанной в Алексинском в 1787 г.: «Извести меня которую из паровых машин нужно предпочтительно купить, а так как для паровой машины необходимо особенное строение для машины и ролей а также и особенная черпальная, то и на это нужна смета и план как на строение так и на место, где ставить машину...и нужен ли будет особенный наемный мастер для ухода за паровою машиною; ежели он нужен;

то можно ли его отыскать и чего будет стоить его наем. Ежели для улучшения бумаги, будет нужен сверх того мастер или машинист, то и об таком справся есть ли он...и чего будет стоить взять его на год»^{xx}. Все эти вопросы возникают у помещика неслучайно, так как в это время происходит снижение рентабельности предприятия, что было связано с усилением конкуренции в писчебумажной отрасли. Данные Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов свидетельствуют о том, что в 1850 г. в Смоленской губернии было уже 4 писчебумажных фабрики^{xxi}. В 1848 г. у механика Луки Васильевича Вельша были куплены «механические вещи», доставленные в Алексино из Москвы. Установка приводов обошлась владельцам бумажной фабрики в 21705 рублей 35 копеек^{xxii}. Для обслуживания паровой машины был нанят мастер Дмитрий Долганов с годовым жалованием 1500 рублей^{xxiii}. Принятые меры стали предпосылкой для увеличения прибыли предприятия. По данным Я. Соловьева, в 1850 г. прибыль писчебумажной фабрики Барышникова составила 14285 рублей 50 копеек^{xxiv}, что в 5 раз больше по сравнению с концом 40-х гг. и почти в 2 раза по сравнению с началом 30-х гг. XIX века.

В 30–50-е гг. XIX века одной из новых отраслей помещичьего предпринимательства стало сыроваренное производство. Так, граф Н.П. Панин в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии в 1823 г. устроил одну из первых сыроварен, пригласив швейцарских мастеров^{xxv}. В 1841 г. в Смоленской губернии располагалось уже 7 швейцарских сыроварен, позже, в 1860-е гг., Смоленщина вышла в лидеры сыроварения^{xxvi}. Технология приготовления швейцарского сыра была очень сложной. Его изготавливали из цельного непастеризованного молока высокой жирности, с использованием двукратного его нагревания, сычужной закваски. Уже само наличие сыроварни предполагало, что помещичье хозяйство обладало большим количеством молока, так как «чтобы окупались издержки, за один раз надобно варить не меньше 30 или 40 фунтов сыру; а так как на каждый фунт сыру надобно 10 фунтов молока, то для того, чтобы сварить 30 ф. сыру, нужно около 300 фунт. молока»^{xxvii}.

Помещики русского Нечерноземья были заинтересованы в том, чтобы организовать сбыт сельскохозяйственной продукции своего поместья. В 1844 г. В.С. Храповицкий отмечал: «Ныне же, каждый сам должен изыскивать случай: как бы повыгоднее куда сбыть свой хлеб...»^{xxviii}. Поиски выгодных рынков реализации продукции не всегда завершались успехом, что также причиняло беспокойство. Так, 10 февраля 1853 г. управляющий имения Рожаново Смоленского уезда Смоленской губернии писал его хозяевам Михаилу Петровичу и Вере Николаевне Вонлярлярским: «Нащет продажи хлеба доношу вам до сего времени хлеба никакого непродано> цена на хлеб более за рожь не дают как 13 руб. 90 к. за четверть...авес в Смоленске 7 руб. и ...более этого не дают»^{xxix}.

«Сведения о фабриках и заводах» по губерниям, составленные уездными исправниками содержат информацию, касающуюся сбыта промышленной продукции. Например, в Смоленской губернии в 50–60-е гг.

XIX века сыр продавался в Москву и Санкт-Петербург^{xxx}. Бумага из Алексино сбывалась внутри губернии, а также отправлялась в разные губернии страны^{xxxi}.

Таким образом, хозяйственные хлопоты помещика русского Нечерноземья в 30–50-е гг. XIX века занимали значительную часть времени, формировали новые, буржуазные ценности, что являлось важным заделом в преддверии Великих реформ.

Список используемой литературы и источников

ⁱТихонов Ю.А. Ф.И. Тютчев и его семья в усадьбе Овстуг // Мир русской усадьбы. Очерки. – М.: Наука, 1995. – 294 с. С.61–78. С.70.

ⁱⁱМилешина Н.А. Материалы региональных архивов как источник по истории повседневности российского дворянства первой половины XIX столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – №9(83).с.125-127. С.126.

ⁱⁱⁱРябков Г.Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII–первой половине XIX века. М.: Прометей, 1991. – 272 с. С.72.

^{iv}Лесли И. Жизнь помещиков три четверти века назад // Смоленская старина. – 1916. – вып. III, ч. II. с. 1–98. С.22.

^vГосударственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 106. Оп.3. Д.1738.

^{vi}Гурская Н.Г. Усадьба Кошино Храповицких-Оболенских // Знаменитые усадьбы Смоленщины. Смоленск, 2011. с.453–461. С.455.

^{vii}Храповицкий В. Хозяйственный календарь, с присовокуплением общепольных для городского и деревенского жителя примечаний. – М., 1844. С.77.

^{viii}Кусаков С. О доходности имений 1843 года в Духовщинском уезде // Журнал Министерства Государственных Имуществ. – 1844. – Ч. XI. с.8-9. С.8–9.

^{ix}Цуриков О хозяйстве в имении Князя П.А. Голицына // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – 1842. – №8. с.146–150. С.147–148.

^xКозлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 560 с. С.367.

^{xi}Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф.4. Ед.хр. 10. Л.170 об.–172.

^{xii}ОПИ ГИМ. Ф.170. Ед.165. Л.175, 175 об.

^{xiii}Ходецкий Руководство к уходу за крупным рогатым скотом, изложенное в применении к тем полосам России, в которых производится скотоводство хозяйственное // Журнал Министерства Государственных Имуществ. – 1851. – Ч. XXXIX. с.79–102. С.83.

^{xiv}Глинка С.Н. Записки. – М.: Захаров, 2004. – 464 с. – (Серия «Биографии и мемуары»). С.19.

^{xv}Соловьев Я. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губернии. – М., 1855. С.268.

^{xvi}Ходецкий Руководство к уходу за крупным рогатым скотом, изложенное в применении к тем полосам России, в которых производится скотоводство хозяйственное // Журнал Министерства Государственных Имуществ. – 1851. – Ч. XXXIX. с.79–102. С.83–84.

^{xvii}Соловьев Я. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губернии. – М., 1855. С.267.

^{xviii}Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 560 с. С.108.

^{xix}ГАСО. Ф. 114. Оп. 3. Д. 1361. Л. 4.

^{xx}ГАСО. Ф.114. Оп.3. Д.1361. Л.1, 1 об.

^{xxi}О писчебумажном производстве в России вообще и бумагоделательной фабрике братьев Варгуниных в особенности // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1852. Январь. С. 403.

^{xxii}ГАСО. Ф. 114. Оп.2. Д. 234. Л. 55.

^{xxiii}Там же. Л. 62 об.

^{xxiv}Соловьев Я. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. С. 400.

^{xxv}Тихонова А.В. Деятельность швейцарских сыроваров в смоленских усадьбах в первой половине XIX века // Усадьбы Смоленщины и Беларуси. Их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции (5-6 июня 2016 г.). Смоленск: «Свиток», 2016. с. 202–207. С. 203.

^{xxvi}Тихонова А.В. Швейцарские сыроделы: у истоков российского сыроварения // Вопросы истории. 2012. № 3. с.110–119. С. 113.

^{xxvii}Тихонова А.В. Деятельность швейцарских сыроваров в смоленских усадьбах в первой половине XIX века // Усадьбы Смоленщины и Беларуси. Их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции (5-6 июня 2016 г.). Смоленск: «Свиток», 2016. с. 202–207. С.204.

^{xxviii}Храповицкий В. Хозяйственный календарь, с присовокуплением общепольных для городского и деревенского жителя примечаний. – М., 1844. С.8.

^{xxix}Российский государственный исторический архив. Ф.917. Оп.1. Д.35. Л.9 об.

^{xxx}Тихонова А.В. Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX–начале XX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2008. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009 – 479 с. С.90.

^{xxxi}ГАСО. Ф.1. Оп.4. Д.152. 1856 г. Л.26.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Рентабельность бумажной фабрики Барышникова в 1830-1850-е гг.

Содержание статей	1832–1833 гг.	1833–1834 гг.	1848–1849 гг.	1849–1850 гг.
	Стоимость, руб.	Стоимость, руб.	Стоимость, руб.	Стоимость, руб.
Расходные статьи				
За покупку тряпок в Алексинскую вотчинную контору	33257	31112	6959	-
За доставку бумаги и продажу	2068	-	2596	3617
Фабричным за работу	-	5987	4577	5676
Всего	83303	72991	39680	46709
Доходные статьи				

За проданную бумагу	80607	57600	30576	47495
Всего	91260	79994	39795	49434
Прибыль	7957	7003	115	2725